

ОПОВІДАННЯ ГРИЦЬКА КЛЮШНИКА.

II.

ДОРОШЬ.

Миколаю Кіндратовичу Бродському.

Після шведської пожоги, тоді якъ протурили Запорозцівъ зъ Чортomla у Туречину, ажъ въ Алешки ⁽¹⁾, бувъ військовимъ осауломъ цей самий Дорошъ, що розкакую. Багато де-чого доводилось мiнi про ёго чути ще въ Сiчi; розказували, що вінъ зъ-бiса бувъ завзятий и дуже письменний: знавъ по-турецький и по-татарський, и бувъ за толмача. Якъ-же кошовий Мелашевичъ вивiвъ Запорозцівъ зъ Туречини ⁽²⁾, и зновъ осадивъ Кошъ на нашихъ вольностяхъ, бiля рiчки Пiдпольної, то Дорошъ розмірявъ окопи и розкати, бо знавъ и крiпостi будувать. Скинчивши своє дiло, недовго вінъ заставався въ Коші, вельми вже старий бувъ, и подякувавши за хлiбъ-за-сiль, помандрувавъ собі у степи, щобъ де небудь сiсти зiмовикомъ и завести пасiку, бо дуже кохався у бжолi. Шукавъ старий собі мiсця, шукавъ, та й сюди зайшовъ на Малу-Тернiвку; якось ёму подобався нашъ лиманъ, та на що й шукать лучого захистка: кругомъ вода, а по серединi островъ, не треба й огорожуваця; отъ вінъ тутечки й осадивсь. Тодi якъ старий сюди прийшовъ, у лиманi тiльки й росли де-не-де осички, терни та лоза; а вінъ вже понасажувавъ скрiзь дерева, нащепивъ грушъ и яблунъ, неначе лiсъ який розвiвъ. Такъ тутечки

(1) Старий Кошъ зруйновано 1709 року; а осадились въ Алешкахъ 1712

(2) Осадили новий Кошъ на р. Пiдпольнiй 1733 року.

у ёго велика пасіка була, може колодокъ зъ двісті, коли не більшъ. За медомъ було приїздили купці зъ Харькова, зъ Білагорода. Дорошъ тими грошима, що за медъ добувавъ, ніколи не користувався, а віддававъ їхъ біднимъ людямъ на будову, що приходили у степи селитьця зімовниками, або однесе на церковъ до игумена Самарського-Миколаєвського монастиря.

Тіі козаки, що сиділи тутечки зімовниками и знали Дороша, отъ якъ розказували мінї про ёго життя у лимані. Живъ вінъ на тімъ острові неначе який пустелникъ; зъ власнихъ рукъ годувавъ дикихъ кізъ, сайгаківъ, журавлі ходили за нимъ слідкомъ якъ собаки, підъ ёго хатою плодились бабаки. Ходивъ вінъ якъ чернець, у високій шапці, у чорній хламіді и підперізувався реміннимъ поясомъ. Зъ себе бувъ дуже високий, а борода біла, якъ молоко, доходила ажъ до колінъ. Такий, розказували, бувъ зъ ёго дідуганъ, що хтобъ ёго не вздрівъ, то самі вьязи хилотця щобъ ёму поклонитись. Тоді тільки й було зімовниківъ, що на р. Самарі, де теперечки Кочережки, та біля насъ, де Василівка, у Бродчині и тамъ ще, у Водяної; то було по великихъ празникахъ народъ приходивъ до Дороша, неначе до церкви (тоді тутечки не було церкв), отъ вінъ и читавъ імъ Евангелію, апостоламъ псалтрь. Люде кажуть: зна самоті чоловікъ живе зъ Богомъ; то хочъ и не въ церкві слухаешъ те слово Боже, а всежъ таки полатає воно тобі душу, особливо, почувши ёго, зъ устъ чесної предъ Господомъ людини. Старого Дороша всі дуже поважали: було, якъ заведутця за що небудь, або шкоду одинъ одному яку вчинить, до йдуть судитьця до старого.

У ті часи, якъ Дорошъ тутечки проживавъ, набігали ще на слободи Татари: оцежъ їхъ и шляхъ, що йде по-біля лиману, бо тутъ, скрізь одъ р. Самарі ажъ до р. Орельці, водопої, а по горахъ багацько родниківъ и криниць. Було, якъ почують хуторяни, що йде татарва, то заганяють скотину и ховаютця по байракахъ и котловинахъ; якъ же, бувало, слобожани турнуть звідтіля татаръ, то й вони, де не візьмутця, на коней, за мушкетъ, и собі провозають непростенихъ гостей. А Дорошъ—такъ ніколи не тікавъ: сидить собі на пасіці и байдуже ёму. Разъ, якъ такъ проходили татари, Дорошъ варивъ собі на вечерю кулішъ, а татарський ватажокъ побачивъ, що зъ коміна иде димъ, и пославъ кілька вершниківъ подивитьця, хто тамъ живе.

— Коли молодий, — каже, — то візьміть ёго у ясирь ⁽¹⁾, а старий — чикинь ёму башка.

Такий, бачите, у нихъ бувъ басурменський дряпіжний звичай. Поїхали татари у лиманъ, та якъ кажуть — »не спитавши броду, не лізь у воду,« и загрузли въ болоті. Стали гукать, такъ Дорошъ вийшовъ и розказавъ їмъ, їхъ мовою, куди обїхать; отъ вони и приїхали до ёго. Побалакавъ вінъ зъ ними, показавъ свою пасіку, огородъ, — такъ гарно у ёго въ садочку: було се саме въ Спасівку, якъ вже и дині, и кавуни, и садовина поспіла. Вернулись вершники до свого ватажка, розказали ёму, що бачили, — отъ вінъ и самъ приїхавъ до Дороша въ гості. Нагодувавъ ёго старий медомъ, кавунами и чимъ Богъ пославъ. Ватажокъ цілісенький вечеръ зъ нимъ пробалакавъ, тутъ у ёго въ хаті и почувавъ, а на другий день, прощаючись, подарувавъ Дорошу турецький коць и обїщавъ, якъ буде повертатця, зновъ до ёго заїхать. Такъ не привівъ ёму Богъ вернутьця, бо тамъ десь за Берекою, гетьманці перехопили ёго загінъ и завдали такого чосу, що й самъ ватажокъ тамъ же ніжки відкидавъ, а ёго орду у три вірви гнали ажъ до р. Самарі. Якъ тікали вони по-біля лиману, у одного татарина зашкандибавъ кінъ; бачить сердешний, що вже ёму не втекти, бо за спиною козаки, — нічого робить! — отъ вінъ зъ коня та въ очеретъ, и прилізь до Дороша.

— Ратуй, — каже: — якъ виратуєшъ, то я твій на віки!

— Не знаю, якъ мні тебе и вирятувать, — одказує Дорошъ, — бо нігде сховать; певно сёгодня ще понаходють наші козаки, та й витягнуть тебе изъ-за печи, и въ болоті тежъ не сховаєся, бо и тамъ вони обшнипорять усі кутки; дуже вже ви намъ надозолили!

Однакъ, подумавъ-погадавъ старий, та й вигдавъ, якъ ёго сховать. Викопавъ вінъ у пасіці ямку, такъ щобъ тільки улізти чоловіку до плечъ, и посадивъ туди татарина, а зверху накривъ ёго вулнкомъ: бувъ у старого зайвий вулій, дуже великий. Тільки що обгорнувъ ёго гарненько землею, буцімъ то й справді колодка зъ бджолою, ажъ бачить — идуть до ёго козаки, пніші зъ радощівъ, що утерли носа ворогамъ, вже й понапивались.

— Добривечіръ, діду! — кажуть.

(1) Узять неволю.

— Спасибі, — одказує Дорошъ.

— А нагодуйте насъ, діду, медомъ, — просять: — бачите, яка у васъ гарна пасіка!

— Добре, дітки, — каже старий: — е за що и нагодувать, добре одчухрали татарву!.. Ідїть же у хату: на тїмъ тижні підрізувавъ, то тамечки у мене въ чулані готовий медъ.

Де-які хотїли вже йти у хату, а другі не згодились.

— Ні, діду, — кажуть, — не хочемо ми тижнёвого, давай намъ зъ самого підкопу, свіжого!

— И той же зъ підкопу, — каже Дорошъ: — однаковий.

— Не хочемо ми того, — гомонять козаки: — давай намъ свіжого, а не даси, такъ ми, не питаючись, и сами візьмемо!

А тамъ вже де-які и на горіще полізли, шукать, чи нема сала або горілки.

— Тю на вашого батька, — каже Дорошъ: — бачу, вамъ коли медъ, то й ложку?.. ікте, який дають!

Такъ куди! не слухають, ще й ляятьця почали; сказано пьяні, а за пьяними и тверезі тежъ собі, и все захожуютьця біля великого вулія, підъ котримъ сидить татаринъ. Бачить старий, що не переливки: не дать, — то вони и сами перевернуть великий вулій, тоді вже поминай якъ звали татарина.

— Ну, тривайте жъ, хлопці, — каже: — якъ бачу, треба вамъ дать свіжого, нічого зъ вами робить!..

Тільки-що узявся за одну колодку, щобъ знять, а козаки и гукнули:

— Давай намъ, діду, зъ сієї, зъ великої: отгутечка багацько меду!

— Не можна зъ сії колодки, — одказує Дорошъ.

— Чомъ? — загомонїли козаки: — давай, кажемо, зъ сієї, а не даси, ми й сами візьмемо, — намъ рукъ не позичати!

Дорошъ завіря їхъ, що наройки накинувъ у сю колодку, такъ буцїмъ не їмъ и кажуть; одно товчуть: «зъ сієї, та й зъ сієї!» Кругомъ обступили, де-котрі вже и за колодку берутьця. Що тутъ на світі робить? отъ Дорошъ и каже:

— Слухайте, хлопці, не руште сієї колодки, бо якъ схочу, то, дарма що велика, а не добудите ви зъ неї и одної кроплі меду, — хїба тільки чортяку побачите!

Та й гугнувъ до татарина, що ёму робить.

— Сількись, — одказавъ одинъ зъ козаківъ: — я ще на своїму віку не бачивъ чорта, — подивлюсь, яка у ёго парсуна!

За вулій, тільки піднявъ, а татаринъ якъ вискалитця, якъ зарже не своїмъ голосомъ, а козаки: »святъ, святъ!« въ ростичъ, та яко мога на втікача.

— Пострівайте, хлопці, — гука Дорошъ: — я вамъ меду дамъ!

А вони тікають та лаютця:

— Подавись ти своїмъ медомъ! годуй того, що підъ вуліємъ сидить!

Черезъ тиждень, якъ все втихомирилось, розказавъ Дорошъ хуторянамъ про сю кумедію, — одъ їхъ вінъ вже не таївсь, — такъ вони дуже сміялись и прозвали того татарина чортомъ. Три годи живъ вінъ у Дороша, а тамъ на теплого Миколая, пішовъ у Самарській монастирь, та й перехрестився у нашу віру. Знатний вийшовъ зъ ёго чоловіка, а вже який скусний бувъ коноваль: и скотипу лічивъ; и свиней и болячки на людяхъ вигоювавъ. Проживавъ вінъ десь за р. Орелькою, тамечки й оженився; сежъ ёго и унуки, Чортенки, що живуть у Водянихъ Хуторахъ.

А то ще розкажу вамъ, якъ гайдамаки приходили до Дороша за грішми. Тоді тутечки, по степахъ, до-чорта їхъ вешталось; тільки почують було, що у якого-небудь хуторянина завелись гроші, то й набіжать, и мучать и печуть ёго, поки не віддасть у-сёго до копійки. Такъ отто, кажу, и до старого нечистий їхъ принісъ. Разъ, у ночі, чує вінъ—хтось турготить у віконце.

— Хто тамъ? — пита.

— Відчини, — одказують, — та засвіти світло, то самъ побачишъ хто, коли тобі не повилазило.

Засвітивъ старий каганецъ, відчинивъ двері, увішло їхъ три чоловіка. Якъ глянули на Дороша, на ёго високий зростъ, грізний поглядъ и бороду ажъ до колінъ, — у-перше довелось їмъ ёго побачити, — такъ и прикипіли до порога; ні одинъ слова не промовить, дивляця тільки та очима лупають. И Дорошъ заразъ побачивъ, що се за люде и чого їмъ треба.

— За грішми? — спитавъ.

— Эге, — пробелькотіли гайдамаки, низенько вклонившись.

— Розумні, — каже Дорошъ: — знали коли й прийти: продавъ медъ, такъ чимало тихъ и грошей назбералось, — буде зъ васъ.

— Спасибі вамъ, діду, — кажуть гайдамаки, — за вашу ласку. Одімкнувъ старий скриньку и виннявъ капшукъ зъ грішми.

— Міні, — каже, — не треба грошей, я вже на ладанъ дишу, не собі й дбаю, а на біднихъ, на церковь Божу, — отъ на кого!...

Та се кажучи, и положивъ капшукъ передъ иконою св. Миколая чудотворця: — беріть, — каже, — се ёго гроші!

Сюди-туди, стоять гайдамаки, засмутилися, — бачите, страшно братъ; коли одинъ зъ нихъ, мабуть завзятий бувъ, и каже:

— А що, хлопці: на ёго усі дбають, а на насъ ніхто, такъ намъ не гріхъ відъ ёго поживитьця?

Та не побоявшись Бога, за капшукъ.... якъ скрикну, такъ ёму руку и скорчило.

— Змилуйся, діду! — голосить гайдамака, упавши передъ Дорошомъ на вколюшки.

— Не я тебе скаравъ, — одказує старий, — не мині тебе и милувать!

— Хочъ навчи, — каже, — що мині на світі робить, якъ Господа благи, щобъ вінъ мене помилувавъ грішного?

— Отъ-що роби, — каже Дорошъ: — працію сією рукою що zostалась, и все, що ни заробишъ, віддавай біднимъ и на церковь Божу: якъ роздаси стільки, скільки загарбавъ у другихъ, то тоді тебе и Господь помилує!

Гайдамаки вклонилися низенько Дорошові, та й пішли собі, облизня піймавши.

Дорошъ живъ на світі більшъ якъ сто літъ, и померъ саме у той рікъ, якъ скінчили ливію, що копали за Берекою. За кілька днівъ до ёго смерти, прийшовъ съ Самарсько-Миколаєвського монастиря игумень, висповідавъ, запричастивъ старого, и якъ віддавъ вінъ Богу душу, поховавъ ёго. Такъ оттой игумень отъ-що розказувавъ:

— Сижу я, — каже, — у своїй келії и читаю св. писаніє, коли такъ ненарокомъ, зиркь, ажъ стоїть передо мною Дорошъ, якъ живісінький. Тільки-що хотівъ я скрикнути: »Здоровъ бувъ, Дороше!« а вінъ и каже: »поспішай до мене, я вмираю!« та й зчезъ. Отъ я, — каже, — помолившись Богу, заразъ таки и рушивъ.

Після ёго смерти, ніхто не знає, куди поділась ёго худоба, тільки й бачивъ я ёго псалтирь, що доставсь старому пану. Ча-

стеню доводилось мині и въ рукахъ держать той псалтирь. На першому листу було написано: »1632 року, марта 10-го пославъ мині Богъ сина Дорохея.« Се бѣ то ёго Дороша, а записавъ, виходить, ёго батько. Відькіля прийшовъ старий, и въ Коші незнали; може вінъ и шляхецького роду, бо дуже письменний бувъ и вірші komponувавъ; на остатньому листу въ тѣмъ же псалтирі, що розказую, були написані вірші, певно, не хто якъ вінъ самъ їхъ и komponувавъ; я їхъ на пам'ять знаю; отъ якъ вони починаються:

Гуляють думи-діти
По зеленихъ степахъ,
Гуляють, не вертаютьця,
Невідь-куди діваютьця!..
Німі думи, невидючі,
Ніхто васъ не вгадає,
Ніхто й не побачить;
Які жъ вони, тільки й знає
Бідне мое серце.

Думи, кривні мої діти,
Що маю зъ вами чинити?
Чи по світу сиротами васъ пустити,
Чи вкупі зъ собою въ землю зложити?
Земля еси — и въ землю закопають,

думки зъ душею
Въ небі витають!
Нехай же летять туди, де не плачуть,
Де радощі одні,
Тамъ їхъ пізнають и побачуть,
Бо одъ щирого серця вони.
Одъ щирого вони серця,
Одъ козацького герця,
Одъ кріпкої волі,
Одъ ледачої долі...

Ой у полі, на могилі,
На віки козакъ спочивъ;
Не кропили тії могили
Слѣзи милої, котру любивъ,
Не приходять й товариші,
Деся далеко розійшлися...
Тільки зъ неба спускаютьця
Що-вечора думки
И на могильці играютьця,
Якъ маленькі дітки,
До прохожихъ підлетають,

И тихенько їх прохають:

»Люде добрі, козака згадайте!«

Покійникъ старий панъ, пошли ёму Господи царство небесне, читає було намъ сі вірші, та й каже:

— Велика була душа у сёго чоловіка: разомъ хотіла жить на небі и на землі!

Розказують ще, що якъ Дорошъ умеравъ, то залявъ лісь у лимані и заборонивъ, щобъ ніхто не рубавъ тамъ дерева.

— Хто, — додавъ, — не послухає, то я мертвий устану и ёго лозиною протурю!..

Спасибі таки старому, що заборонивъ у лимані рубати лісь: весело й глянуть, якъ воно порозросталось!.. Де-коли підешъ погулять, то ажъ духъ радується: кругомъ острова верболізъ, неначе огорожа стоить, а тамъ починаютьця вже товсті та високі дерева, що оточують зелену поляну, де стояла Дорошова пасіка; тутъ недалеко икриничка, відкіля вінъ воду бравъ. Такъ гарно. Чорногузи несутьця по високихъ вербахъ, бугаї гудуть у болоті, пташечки щебечуть, особливо соловейки, — тамъ їхъ сила: кругомъ бачите вода, такъ не закрадетця туди кішка, и ловить не велено, такъ ніхто їхъ и не полохає. Однакъ, якъ старий не закликавъ не рубати у лимані дерева, а знайшовся такий смілий дурень, що хотівъ бувъ зрубать, та трохи и самъ тамъ не загинувъ. Ось якъ воно було: Живъ у насъ при коньському заводі ляшокъ, панъ Бужинський; такий зъ ёго и панъ, якъ за денежку пистоль, та вже, бачите, у нихъ все пани: и лакей панъ и кухаръ панъ, панъ пана и батогами чухрає. Об'їзжавъ вінъ підъ верхъ коней, и бувъ такий смілий, що нічогосінько на світі не боявся. Разъ, на зелені свята, зійшлись наші парубки у шинокъ погулять, — отъ и вінъ приставъ до нихъ у компанію. Балакали, балакали та й стали розказувать про відёмъ, про вовкулаківъ, якъ мертві устають у ночі та лякають живихъ людей. Ляшокъ слухавъ, слухавъ, та й каже:

— Брехня сёму; нема на світі ні тихъ відёмъ, ні вовкулаківъ, и на мертвихъ нічого нарікать, бо й вони тихенько собі лежать въ землі... Я, — каже, — нічого не боюсь и нічому не вірю!..

А одинъ зъ парубківъ и каже ёму:

— Коли ти нічого не боїся, такъ піди у лиманъ, у глузу нічъ, и зрубай тамъ дерево.

— А щожъ,—каже ляхокъ:—пиду та й зрубая; ніхто мні не заборонить.

Заспорили. обѣ закладъ на карбованця побились. Такъ саме, якъ вони спорились, увійшовъ у шинокъ гуменний Оверко; почувши, що ляхокъ наміряється йти у лиманъ зрубать дерево, и пита єго:

— А хіба ти не знаєшъ, що покійникъ Дорошъ залявъ и заборонивъ рубати дерева у лимані?

— Знаю,—одказує ляхокъ,—та вінъ мні не указъ; я єго и живого не злякався бѣ, не то мертвого!

— А якъ вінъ тебе звідтіля, — каже Оверко, — протурить лозиною?

— Не бійсь, — каже: — я шляхтичъ; нехай вінъ туря лозиною васъ, дурнихъ хлопівъ!

— Ну гледи жъ, пане Бужинський, — щобъ не досталося и твоїй шляхетній спині, та щобъ и не довелося тікати до лясу у болото? Якъ би можна було єго рубати, — каже, — то досібъ до корівя бѣ єго вирубали!

Та се кажучи, и пішовъ собі до-дому; а єго хата була недалечко одъ лиману, тутечки біля току. О півночі, такъ, якъ закукурікали півні, панъ Бужинський узавъ сокиру, и пішовъ собі у лиманъ. Нічъ була дуже темна, ні зірочки, небо замазалося хмарами, неначе налагодилося на дощъ. Провели хлопці ляшка ажъ за панський будинокъ, бо дорога у лиманъ тоді йшла по за кривимъ плесомъ, — тамъ и містокъ бувъ. Провівши ляшка, парубки вернулись у шинокъ и стали єго дожидатця. Ждуть та ждуть,—не йде; а вжебъ пора и вернутця; стало вже й на світъ займатця, а єго, родового сина, нема та й нема.

— Оце, пеня! — кажуть хлопці: — щобъ чого не сталося зъ ляшкомъ?.. тоді буде и намъ халепа!

Вже імъ не такъ страшно Дороша, якъ Прокіпа Івановича.

— А що будемо робить? — питає одинъ одного.

— Ходімо, — кажуть де-которі, — виручать гаспедського чванька. (Таке, бачите, прізвисьце ляшку дали).

Отъ и пішли, та побоялись йти у самий лиманъ, а зъ сєго боку, зъ ближнєго, одъ слободи, щобъ черезъ воду гукнуть до

ляшка; коли вінъ у лимані, то обізваця. Підійшли до берега, прислухуюця, приглядауюця, нічого не чють. У лимані не тільки ні хто не рубає и не ходить, бо почули бѣ, залопотіло. Стали гукать: «пане Бужинський, а пане Бужинський?». «Коли чють, щось забелькотіло у болоті; парубощтво близче, зновъ гукують, зновъ озиваця, туди — ажъ то ляшокъ, по самісенькі вуха загрузъ у болото, и ніякъ зъ багна и очеретяного коріння не виплутаця. Пішли були хлопці, щобъ ёго впрятувать, такъ не можна и близько підступитъ. Бачуть, що такъ не витягти ёго, отъ вони принесли одъ гуменного вірёвку; кинули її ляшкові, а вінъ обв'язавъ себе по підъ руками, отъ ёго и виволокли на суше. Увесь убрався у тванюку, мовъ чортяка; стали розпитувать, щось гугинть. ніякъ ёго и не второпасъ, що вінъ верзе. Узяли ёго хлопці на оберемокъ, понесли у плесо, виполоскали, обмили, та й принесли у шинокъ. Мій Боже милий, страшно на ёго и глянуть: якъ стіна білий, трусця, неначе трясця ёго трясє; вся пика, шия и руки посмуговані, зняли сорочку, такъ батечки, спина ажъ почорніла, неначе ёго якъ москаля крізь строй ганяно. Дали ёму хлопці осьмушку горілки; випивъ сердешний и трохи опам'ятувався. Посадили ляшка за стілъ, стали розпитувать, отъ вінъ імъ и розказавъ, яка причча трапилась ёму у лимані.

— Дойшовъ я, — каже, — до Кривого, нічого міні не страшно, тільки жъ що перейшовъ черезъ містокъ у лиманъ, а тутъ щось якъ замаха крилами надъ головою та пугукне, такъ у мене и затрусились живки, несчувъ якъ и присівъ у траві; роздивився, ажъ то пугачъ схопився зъ верби. Іду дальшъ, такъ сумно стало, неначе хто за коміръ хана, и самъ не знаю відъ чого; ніколи сёго зо мною не траплялось. Хотівъ бувъ вже назадъ вернуця, такъ подумавъ собі: парубки сміятимуця, просвітку міні не дадуть; перехрестився, и пішовъ у той кутокъ, де пасіка була у старого. Озирнувся нема нікого, тихо; отъ я и почавъ рубать; цюкъ разъ, цюкъ у друге, заміривъ у третє, а мене якъ шмагопе щось лозиною, — зиркъ, ажъ стоїть Дорош!.. Високий, превисокий, зъ гуменного заввишки, а борода біла та довга ажъ до колінъ. Якъ глянувъ я на ёго, то чубъ такъ и полізъ до гори, неначе съ церба окотили мене холодною водою, стою собі, зъ місця не зворухнусь, пальцемъ не смикну, а вінъ мене шмага лозиною; шмагавъ, шмагавъ, якъ же дошкуливъ, відкіля вт мене

и сила узялась, відъ ёго та на втікача; а Дорошъ за мною, такъ мене и лущить, я въ болото и вінъ у болото, такъ и шкварить мене то зъ того, то зъ другого боку, а я усе въ болото, та й забравсь ажъ по самісенькі вуха. Якъ — би, — каже, — ви не прийшли, черезъ який тамъ квадрансь, тобъ довелось тамъ и пропасти. Ні, вже теперочки, — каже, — не тільки самъ не піду у лиманъ рубати Дорошеві дерева, а ще й десятому закажу не ходити!

Бачъ, який розумний ставъ, не даромъ кажуть: »Мудрий ляхъ по шкоді; якъ коней покрали станю ставъ замикаць!« Такъ отто, якъ скончивъ ляхокъ своє оповідання, то вже и світъ ставъ, почали й люди у шинокъ збєраця, бачите, празникъ; якъ почувли ще здіялось зъ ляхкомъ, дивуюця, ажъ руками объ поли бьють; дані, скільки їх не було и парубки, всі пішли у лиманъ подивіця, де тамъ Дорошъ давъ хлосту ляхку. Идуть по-біля двору, а я утять годую. »Куда се?« питаю, розказали, отъ и я зъ ними пішовъ. Дійшли ми до того місця, де лпха мати надала ляхку рубати дерево, дивимось, надрубаний клиночокъ и сокира біля ёго лежить, кругомъ того клиночка потолочена трава и багачько роскидано поламаної лози (певно на шляхецькій спині пана Бужиньського), тутъ же лежить и повісма зъ два прядіва, (Богъ ёго зна, відкіля воно и взялось). Ще видко було слідъ, якъ разъ зъ того кутка, проти котрого Дорошова могила, тутечки и лоза рясна, мабуть якъ йшовъ покійникъ, то тутъ її и наламавъ. Та вжежъ и дивувались наші слобожане, не такъ тому що покійникъ завдавъ пану Бужиньському халазію, якъ тому, відкіля узялось те прядіво? Боялись до ёго и доторкнуця; та вже гущенний, бачить що піхто не бере, и узявъ.

— Згодиця, — каже, — на вірєвку, може доведєця щє якого небудь дурня виволкти изъ болота!

Пам'ятававъ ляхокъ ту прочуханку до новихъ віників! Було, якъ найдуть гості до старого пана, то вінъ и звелить ляхку розказувать, якъ ёго Дорошъ оддубасивъ; хочъ воно и давно минулось, а було якъ почне сердешний розказувать, то й дрижить и озпраєця, вєначе Дорошъ стоїть за плечима зъ лозиною, а пани слухають та сміюця, ажъ за живіть хапаюця. Не даромъ, бачу, кажуть: »Чужа біда людямъ сміхъ!«

ОЛЕКСА СТОРОЖЕНКО.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ УКРАИНСКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

V.

САВА ЧАЛИЙ.

Ой живъ въ Січі старий козакъ,
Прозивався Чалий;
Вигодувавъ сина Саву
Козакамъ на славу.

Та одклонивсь сей синъ Сава
До Ляхівъ въ Польщу жити,
А козаківъ — Запоріжцівъ
Прихóжихъ ловити.

А нашъ батько, панъ Кошовий
По козакахъ тужить:
«А хто бъ узавъ пана Саву,
Самъ ёму послужить.»

Та сказавъ Чалий запорозцямъ:
«Ніхто Сави не возьметь,
Хиба Гнатко та Кравчина
До себе підмовить:

— Ой ти, Гнатку, ти Кравчино,
Ти тамъ шляхи знаешъ,
А чомъ же ти мого сина
Въ руки не піймаешъ! —

Панъ Кошовий сказавъ Гнатку:
 — Якъ Сави не возьмешъ,
 То самъ же ти та за ёго
 Голову положишъ.

Пішовъ Гнатко съ Кравчиною
 Сави підмовляти,—
 Якъ не схочеть відтиль піти,
 То смерті предати.

Въ дорозі імъ попавсь Литвинъ,
 Ставъ їх наставляти,
 А якъ того пана Саву
 Та у руки взяти.

Возьмемъ же ми свої землі
 Въ чоботи підъ ноги,
 А щобъ не знавъ та панъ Сава
 Нашої помови.

Та ой бувъ Сава въ Немірови,
 Въ Ляха на обіді;
 Не зна Сава, не відає
 Та о своїй біді —

(Одміна: Своєї обіди.)

Одміна: (8 стихівъ).

Ой чомусь мнѣ, милі браття.
 Гуляння не легко!...
 Заворожи, стара мати,
 Чи Гнатко далеко?

Та пий, Саво, та пий, Саво,
 Изъ сими панами:
 Иде Гнатко зъ своїмъ військомъ
 Ище за тернами.

Та ой при́хавъ та панъ Сава
Та до свого дому,
Питаєця челядоньки:
— Чи все гараздъ до́ма? —

»Та все гарзѣ, та все гараздѣ,
Тільки одно страшно:
Виглядають гайдамаки
Изъ-за гори часто.

Та все гараздѣ, та все гараздѣ
И добра година:
Породила наша пані
Маленького сина.

Ой сівъ Сава кінець стола,
Та листоньки пише,
А Савиха молодая
Дитину колише.

(Одміна 4 стихів:)

Ой якъ конче дрібнихъ листівъ
Та й спатоньки ляже,
А щось ёму підъ віконцемъ
»Добри-вечірѣ« каже.

Потімъ сказавъ: »и я узнавъ,
Що йдуть Гайдамаки,
Ще далеко, въ своїй землі...
Будемо гуляти!

»Піди, хлопку, до лідниці,
Та уточи пива:
Нехай же ми та випьемъ
За моєго сина.

»Та піди, хлопку, піди, малий,
Та вточи горілки:

Нехай же ми та випємо
За здоров'я жінки.

— »Та піди, хлопче, до лідниці
Та уточи меду, —
Чомусь міні трудно, нудно —
Голови не звезу.«

Ой пішовъ хлопець до лідниці
Замківъ одмикати,
А тутъ Гнатко зъ Кравчиною
У двіръ підступати.

Не вспівъ хлопець, не вспівъ малий
Одчинить лідниці,
Тутъ явилсь Гайдамаки
У самій світлиці.

»Та здоровъ же будь, пане Саво,
А якъ поживаєшъ?
Издалека гостей маєшъ,
А чимъ привітаєшъ?

»А тимъ тебе, пане Гнате,
Буду приіматн:
Породила жона сина, —
Буду въ куми брати.«

»Теперь тобі, вражий сину,
Не ті годи настали,
А щобъ Ляхи Запорозцівъ
Та у куми брали.

»Та коли хотівъ, пане Саво,
Въ Полщі панувати,
Не ходивъ би. вражий сину,
Гарду руйнувати.

Одміна (4 стихи):

Було бѣ тобі, пане Саво,
 Вѣ Січі проживати, —
 Не ходити підъ Бердичівъ
 Ляхівъ(?) руйнувати.

»Не частуй насъ медомъ, пивомъ,
 Ище горілкою:
 Попрощайся, вражий сину,
 Зъ своею жінкою.«

Ой кинувся та панъ Сава
 До ясного меча: —
 Ухватили пана Саву
 Изъ лівого плеча.

Ой якъ скочивъ та панъ Сава
 Изъ-за свого столу:
 Ухватили пана Саву
 На три списи вгору.

Не кинувся та панъ Сава
 До своєї булави: —
 Положили пана Саву
 У хаті на лаві.

Одміна (4 стихи):

А ще не світъ, а ще не світъ,
 Не світъ, не світає,
 А Кравчина изъ Игнаткомъ
 Кóниківъ сїдає.

Вернувсь Гнатко съ Кравчиною
 У Січу до-дому,
 А щó було — розказали
 Батькові старому.

Ой заплакавъ старий батько
По своему сину:
— Лучче булюбъ не родити
Такую дитину.

— Та не мігъ же я пану Саві
Три слова сказати, —
Не могли бъ ви пана Саву
И всю Січчу взяти.»

(Сообщено Р. И. Пукаломъ, изъ г. Ново-
московска, Екатеринославской губ., чрезъ
Г. П. Надхина.)

*М. Нащокинъ описалъ этотъ
воспаданіе „Пукало“ Зарвн. г. Надхина
перевелъ на русскій языкъ.*

СКОВОРОДА,

УКРАИНСКІЙ ДБЯТЕЛЬ XVIII ВѢКА.

(Матеріалы для исторіи южнорусской литературы.)

»Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни.

Гоголь: (Переписка съ друзьями).

Всякій честный и благородный труженникъ мысли уже имѣетъ право на вниманіе того общества, для котораго онъ работаетъ, потому что семья мысли не всегда многочисленная и счастливая семья.

(Отрывокъ изъ одной критики)

ГЛАВА III. (*)

Переписка Сковороды. — Письма Ковалѣнскаго. — Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки. — Болѣзнь, старческая суровость и смерть. — Надгробная, и вызовъ читать его сочиненія черезъ «Московскія Вѣдомости». — Письмо Н. С. Мягкаго. — Заключение.

Начиная съ 1775 года, когда Сковорода исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ жизни его пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣнскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ, «увлеченный великимъ свѣтомъ, возбуждившимъ въ немъ разумъ вѣщній,» на двадцать лѣтъ, прямо переходитъ уже къ разсказу о Сковородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго нами изъ его

(*) Первые главы помѣщены въ августовской книжкѣ Основы.

»Записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ«, также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Пробѣлъ этотъ почти въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ нами анекдотовъ, достаточно его оживившихъ, могутъ освѣтить еще болѣе выдержки изъ немногихъ уплѣтвшихся писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ рукописныя сочиненія его, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его разсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Сковороды помѣщены отдѣльно въ *»Украинскомъ Вѣстникѣ«*, при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго, въ *»Молодикѣ«* 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намековъ на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ *»Телескопѣ«* 1835 года. Сдѣлаемъ выдержки изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ, тщательно сведенныхъ нами, писемъ. Въ нихъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скудными намеками на собственную жизнь автора. Драгоценнымъ пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ намъ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣвскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

»Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій (въ отдѣльной статьѣ своей *»Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды«*; *Молодикъ*, 1843 г. стр. 234—243) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной): *»О древнемъ змѣѣ или Библии.«* Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. О. Залѣскимъ» ⁽¹⁾.

Вотъ отрывокъ этого письма: »Училъ своихъ друзей Эпикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣ-

⁽¹⁾ Это письмо подтверждаетъ г. Хиждеу, въ *»Телескопѣ«* 1835 г., стр. 154, дѣлая изъ него другую выписку и ссылаясь такъ: *»Письмо къ протоп. Ое, дору Залѣскому, изъ Обуховки, 1765, декабря 10.«* Но Хиждеу, на стр. 159, дѣлаетъ ссылку на другое письмо Сковороды именно, на *»Письмо къ Аважасію Панькову, при посылкѣ ему трехъ десятковъ баеней, изъ Спннанскія пустыни, 1762 г. март. 4.«* Значить это письмо, если оно только най-

ку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самого его величали пастыремъ стада свиного, а каждого изъ друзей его величали: *Epicuri de grege porcus*. *Всякая мысль подло, какъ змѣя, по земли ползетъ; но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.*» («Молодикъ», 1843 г. стр. 241 — 242.)

При изданной книгѣ Сковороды «*Басни Харьковскія*» (Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: «1774 года, въ селѣ *Бабаяхъ*, наканунѣ пятидесятницы», слѣдующее письмо Сковороды. Приводимъ его по порядку:

Любезному другу, Леонасію Кондратовичу Панкову.

Любезный пріятель! Въ седмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, оставивъ отъ учительской должности, и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селѣхъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучая я себя добродѣтели и поучаясь въ Библии; притомъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Бабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда при томъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарю жъ тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпроваживаютъ по смѣху; а разумную шутку важный печатлѣтъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ; и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностью; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стушитъ, шумитъ, гремитъ.... А что тамъ? Кобыльа мертвей голова бѣжитъ*. Говорятъ и Великороссійцы: *летали высоко, а съла недалеко*, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечево слушать. Не любя мнѣ сія пустая надменность, и пышная пустошь; а люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложь, но внутрь истина. Картишка сверху смѣшна, но внутри боголѣнна. Другъ мой! Не презирай баснословія.

дета, старѣе перваго. Вслѣдъ за тѣмъ, мы имѣемъ уже письма отъ 1774 года. Но Хиждеу, на стр. 166, ссылается съ выпискою на письмо Сковороды «къ архіепископу Георгію Конисскому, изъ *Пъжина*, 1769, іюл. 29.» Г. Срезневскій въ «Молодикѣ» 1843 г. стр. 244, сомнѣвается въ истинѣ словъ Хиждеу, на что послѣдній не возражалъ.

Басня и притча есть тоже. «Не по кошельку суди сокровище.» Праведень судъ судить! Басня тогда бываетъ скверная и бабья, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимофея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой не имущія. Иногда во вретницѣ дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошъ; такъ и басня безъ истины. Если жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

Все, убо, чисто чистымъ, оскверненнымъ же и неспырымъ ничтоже чисто, но осквернися изъ умъ и совѣсть.

Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, *«но осквернися изъ умъ и совѣсть.»*

Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истина острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ; но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живой ея образъ, уподобили оную различнымъ тѣннымъ фигурамъ.

Не одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса, столько живо, сколько благодушно у нихъ образуетъ невидимую Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюда родились символы, притчи-басни, подобія, пословицы....

И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній геній, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается. — —

Прими жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію безвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я оныя вымыслилъ: истина есть безначальна! Но люблю!... Тѣшъ мои любви — и будутъ твои. Знаю, что твой телѣсный болванъ далеко развится отъ моего чучела; но два различные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина душа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самыя болваны наши. Одни только мысли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокреемся.

Питаймо жъ дружбу! Прими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гады и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусить съ Богомъ лучшее! Любезный пріятель Твой вѣрный слуга, Любитель Священныхъ Библии, Григорій Сковорода.

Велѣдъ за этимъ идутъ письма Кавалѣнскаго къ Сквородѣ, изъ рукописи преосвященнаго Иннокентія (1). Выдержки изъ нихъ (всѣхъ ихъ семь) мы теперь и представимъ, какъ новое пополненіе указаннаго нами біографическаго пробѣла. Первое письмо помѣчено годомъ «1779, *генваря 19. Москва.*» — Сверхъ того, первые четыре и шестое начинаются словами: «*Любезный мой Мейнгардъ*», какъ по словамъ біографія Ковалѣнскаго, называлъ себя иногда другъ его; а пятое и седьмое, писанныя Тамарой, начинаются полнымъ именемъ Сквороды: «*любезный мой другъ, Григорій Савичъ*» и «*любезный мой учитель, Григорій Савичъ.*» Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ мы не знаемъ. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сквороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его. Приводимъ ихъ по порядку, какъ нѣчто цѣлое и нераздѣльное, хотя между первымъ изъ нихъ отъ 1779 года, и послѣднимъ, отъ 1788 года, должны по порядку итти другіе уцѣлѣвшіе отрывки изъ переписки Сквороды.

Первое письмо. «Любезнѣйшій Meingard! Бесѣду вашу получили. Со-раднуюсь обращенію вашему съ Плутархомъ. Онъ изъ Грековъ лутшій, мой другъ; изъ Римлянъ любомудрствующій царедворецъ Сенека; изъ Французовъ Боннетъ, изъ республикантовъ Жнъ-Жакъ-Руссо; изъ Нѣмцовъ Геллѣртъ; изъ Русскихъ Meingard.... Удивляюсь, что свирѣль моя не — (понравилась, вѣроятно). А она казалась титирскою и отъ Дафниса я имѣлъ ее! Я теперь живу въ удовольствіи. — Я имѣю друга въ женѣ: сіе много. Имѣю человека мыслящаго со мною: сіе утѣшительно. Имѣю изобиліе земное, со излишествомъ: сіе не мѣшаетъ. А въ дружбѣ и въ добросердечіи сокровище утѣшеній моихъ. И Плутархъ и Мейнгардъ правду говорятъ; и я тоже думаю. И сіе тріедино. Не можно ли хоть на мѣсяцъ къ намъ? Я бы очень желалъ. Пожалуста! Я послалъ вамъ сыръ, трубку и книги; не знаю, получили ль вы. Скажите, гдѣ вы нынѣ обитаете? Но гдѣ бы вы ни были, на всякомъ мѣстѣ люблю я душу Мейнгардову. Adieu! Вашъ Михайло Ковалѣнскій.» (1779 г., генваря 19. Москва.)

Приписка жены Ковалѣнскаго. «При семъ и я вамъ, любезный Meingard, Григорей Савичъ, свидѣтельствую мое почтеніе и прошу меня любить, а, я права, уже люблю васъ. Посылаю сыру пармазану и галанскаго. Желаю кушать и насъ помнить. Я слышела отъ Михаила Ивановича, что вы, въ-мѣстѣ съ скрипкой, любите и трубку. То я вамъ

(1) Въ этой рукописи они списаны подъ рядъ почеркомъ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка.

оную посылая, желаю употреблять въ ваше удовольствіе. *Adieu, mon ami!* Вамъ покорная ко услугамъ — Надежда Кавалѣнская.»

Второе письмо. »1782 г., февраля 18, С.Петербургъ. — Любезный мой Менгардъ! Письмо ваше изъ *Тапирога* получилъ я. Какъ воспоминаніе, такъ и письма ваши, во мнѣ производятъ сердечное утѣшеніе. Въ толпѣ свѣтскихъ стеченій наипріятнѣйшее чувствіе есть истины и непорочности. А въ нихъ именатъ мнѣ всегда представляется вы! Гдѣ вы теперь обрѣтаетесь? Я приторговалъ подлѣ Святогорскаго монастыря прекрасную, какъ сказываютъ, дачу; и скоро она, можетъ быть, моя будетъ. Весьма бы желалось мнѣ, чтобъ вы были тутъ жителемъ, и гражданиномъ, и хозяиномъ. Она извѣстна подъ именемъ деревни *Прилукаю*. Съ братомъ Григоріемъ, имѣющимъ отправиться отсюда скоро, пришлю сыру и рыбы. Да увѣдомьте, гдѣ васъ находятъ письмамъ моимъ? Я здоровъ, по милости Бога моего, съ семьею милою. Я пустился накіи въ здѣшнее море, да удобнѣе къ пристаю удивленія достигну. Все при-скачаетъ; и великая, и славная, и дивная — суть ничто для сердца человѣческаго. *Adio, mio caro Mangard!* Другъ твой Михайло Ковалѣн-ской. Тамара Василій Степановичъ здѣсь со мною, въ одной командѣ, при князѣ Потемкинѣ, подъ-полковникомъ; и я тоже. Онъ кланяется вамъ.»

Третье письмо. »1784 г. сентября 14. С.Петербургъ. — Любезный мой Менгардъ! Я давно собирался на письмо ваше отвѣтствовать, но не могъ. Гдѣ вы пущу (пустыню) свою утвердили? Благодарю васъ за любовь вашу ко мнѣ; еще больше благодарю за «Дружескія Бесѣды», которыя воспоминаютъ во мнѣ сладчайшія, блаженные времена без-печалія, молодости и простоты, отъ которыхъ я столько удалился те-перь и которыя всѣми чувствіями души моея люблю, и хочу, съ по-мощію Божіею, поздно или рано вознести себя къ истинному своему оному счастью. Признаюсь, что я не могу вспомнить безъ ощущенія любви къ тихой жизни и безъ побужденія къ исканію оной. И сіе утѣ-шаетъ еще меня внутренно, что я хоть не потерялъ искры добраго чувствія, потопляемъ бурей житейскою и вовлеченъ въ бездну суеты и міра. Мнѣ крайне хочется купить въ *Украинскихъ сторонахъ* мѣсто, по склонности и любви моей естественной къ тихому проведению жизни, о чемъ и просилъ Якова Михайловича Захаржевскаго. Если бы сіе удалось, то, удалясь отъ всего, уединился бы и просилъ бы васъ раздѣлить остатокъ жизни вмѣстѣ. Прошу васъ, любезнѣйшій мой Менгардъ, продолжить вашу дружбу ко мнѣ и писать, пока я не уви-жу васъ. Гостинца привезетъ вамъ отъ меня Яковъ Михайловичъ, сыру пармазану. Vale! Господь надъ тобою. — P. S.—В. С. Тамара вамъ кла-няется. И сегодня, читая Энеиду *Виргилія*, переведенную по русски, поминали васъ любезно. Онъ ѣдетъ скоро въ Грузію и Черкесскія горы, и просилъ меня написать къ вамъ, не согласитесь ли вы съ нимъ ѣхать тудаже; то бы онъ взялъ васъ въ *Изюмъ*, куда онъ по дорогѣ его проѣзжать долженъ. А онъ туда ѣдетъ по комиссіи, возложенной

на него. Скрипку или флейту харошу пришло вамъ. Да пожалуста угодомъ: годъ изволишь почевать, другъ сердечный? *Adieu.*»

Сковорода въ Грузію и на Кавказъ не поѣхалъ. Любопытны эти стремленія «пустынножительства» въ лицѣ человѣка, который между тѣмъ, имѣя всѣ средства оставить шумъ свѣта, около двадцати лѣтъ, почти безвыѣздно, прожилъ въ столицѣ.

Четвертое письмо. »1785 года, октября 7-го. С. Пѣтербургъ. — Любезной мой Мейнагардъ! Съ самой весны я собирался къ вамъ писать. Но извѣстной Мечниковъ уѣхалъ, не выдавшись со мною; и я разсудилъ за вѣрное средство послать вамъ письмо и флейттраверсъ чрезъ Петра Андреевича Щербинина, съ которымъ и пишу сіе. Посылаю слоновой кости бѣлый флейттраверсъ, которымъ желаю забавляться съ тѣмъ сердечнымъ удовольствіемъ, котораго вы достигли рѣдкими трудами вашими и каковаго ищемъ мы всѣ суетніи. Желаніе ваше видѣть меня въ Украинскихъ странахъ возбудило во мнѣ воспоминаніе пріятнѣйшей молодости моей и тѣхъ тихихъ, невинныхъ лѣтъ, которые съ дружбою вашею протекали въ простотѣ и чистотѣ сердца. Другъ мой любезной! Я бы давно уже полетѣлъ въ объятія тѣхъ прекрасныхъ, безмолвныхъ природныхъ мѣстъ, къ которымъ склонность моя всегда привязывала меня, но обстоятельства мои удалили меня и, при всемъ направленіи моемъ, еще и нынѣ удаляютъ отъ исполненія желанія моего. Правда, что я пользуюсь деревенскою жизнію и, соединяя невозможное, городъ столичный и деревню, провожу время не безъ удовольствія. Я имѣю загородный домъ отъ Питербурха на восьмой верстѣ, по Петиргофской дорогѣ, надъ моремъ, съ рощею, съ садомъ, съ ранжереями, — гдѣ и живу всю весну, лѣто и часть осени, ѣздя въ недѣлю раза два въ городъ къ должности, по утрамъ; а къ деревенскому своему обѣду всегда возвращаюсь домой. Итакъ, въ одинъ день бываю въ первѣйшей столицѣ русскаго міра и въ самомъ глубокомъ уединеніи. Вы скажете, что это похоже нѣчто на Тускуланумъ любимаго вашего Туллія, гдѣ старичокъ оной, любомудрствуя, проводилъ время въ отдохновеніи отъ мятежей и блистательностей Рима. То и мое уединеніе, еслибы оно имѣло подобнаго оному мудраго старичка, съ коимъ вы сходствуете, отверзло бы нѣдра свои для принятія друга, старичка мудраго. Но предубѣдительность ваша къ краю сему въ томъ мнѣ поспорить. — Подумай, другъ мой, что, принявши трудъ увидѣть меня здѣсь, ты увидишь сына моего, который уже любитъ васъ и котораго ты полюбишь вѣрно. Жена моя, какъ Ревекка, раздѣлитъ все мое удовольствіе собесѣдованій съ тобою. Домъ мой обрадуется зрѣніемъ того человѣка, о которомъ часто слышали. Воспоминаніе любезное я, конечно, обращаю — въ Украины, и хочу тамъ скончати животъ свой. — Сынъ мой учится по гречески и по французски.»

Пятое письмо. «1787 г. июня 22. С. Пѣтербургъ. — Любезной мой другъ, Григорей Савичъ! Имѣ-же образомъ желаетъ елень источниковъ водныхъ, такъ я желалъ бы видѣть васъ и утѣшаться въ жизни дружескимъ собесѣдованіемъ нашимъ. Теперь всѣ мои привязанности къ столицѣ и большому свѣту кончились: я лишился сына семилѣтняго, который одинъ и былъ у меня, и скончался сего марта, 26 числа. Онъ составлялъ привязанность къ службѣ и здѣшнему пребыванію. Безъ него все сіе не нужно. Скорбь моя служить мнѣ руководствомъ къ простотѣ жизни, которую я всегда *вътрени* (?) любилъ, при всѣхъ моихъ заблужденіяхъ разума. Я осматриваюсь, какъ проснувшійся отъ глубокаго сна. Ахъ, другъ мой! Я часто привожу на память тихія и безмятежныя времена молодыхъ моихъ лѣтъ, которыхъ цѣну, доброту и красоту отношу къ дружбѣ твоей. Но не столько счастливъ я былъ въ большомъ свѣтѣ! При всемъ благопріятствѣ фортуны, разумъ мой не могъ имѣть счастья, чтобъ не впасть въ сѣти, оковы «желѣзностей» и суетностей, которыми разъ будучи обвязанъ, съ превеликимъ... свободиться долженъ! Ты самъ тамъ неразлученъ со мною въ мысляхъ моихъ, какъ я самъ съ собою. Почему и желаніе мое видѣть тебя и окончить вѣкъ вмѣстѣ. — Я всячески стараюсь купить деревню въ Харьковскомъ намѣстничествѣ, для привычки къ тому краю и для тебя. И совсѣмъ было стоговалъ село *Покровское, Спиридовой, помѣщицы*, но сосѣди попрепятствовали купить. Надѣюсь же на Бога, что вселитъ въ мѣстѣ значеніе и на водѣ покойнѣ, гдѣ бы я могъ упокоить и себя и твою старость, хотъ ты и не имѣешь въ семъ надобности. — *Посылаю вамъ очки.* Не знаю, годятся ли для глазъ вашихъ: желаю же, чтобъ угодны были. — Жена моя посылаетъ вамъ сыру *пармазану и галанскую*, по полупуда. Все сіе отправлено съ Тимофѣемъ Филиповичемъ Надаржинскимъ, который обѣщалъ доставить вамъ вѣрно. Флейту не успѣю послать теперь; а пришлю съ другою оказіею.»

Шестое письмо. «1788 г. февраля 13. Санкт-Петербургъ. — Возлюбленный мой Мейнгардъ! Такъ ты уже и не пишешь ко мнѣ оригинально, а только чрезъ копію говоришь со мною? Вчера я получилъ отъ Якова Михайловича Захаржевскаго письмо, въ которомъ ты препоручаешь ему цѣловать меня. За дружеское сіе цѣлованіе душевно благодарю тебя, другъ мой; но желалъ бы я имѣть цѣлованіе твоею рукою, Мейнгардовою! Вилъ начертанныхъ твоихъ писемъ возбуждаетъ во мнѣ огонь, пепломъ покрываемый, не получая ни движенія, ни вѣтра; ибо я живу въ такой странѣ, гдѣ хотя водъ и непогодъ весьма много, но движенія и вѣтровъ весьма мало — а безъ сихъ огонь совершенно потухаетъ. Ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самого не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладію мою къ пристани тихаго уединенія! — Тогда-то я бы утѣшился тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ! — Прости! Не знаю, что послать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности, что прислать можно: все въ тебѣ и съ тобою!* Я слышалъ о твоихъ

писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Вро-чемъ, не безпокойся, чтобъ я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее*, въ Изюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣвской. — Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану*, съ дѣтьми Якова Михайловича, и *шесть платочковъ*. Прійми ихъ отъ дружбы.»

Седьмое письмо. «1788 г. 6 марта.» съ подписью: «*Василій Тамара.*» — «Любезный мой учитель Григорій Савичъ! Письмо ваше чрезъ корнета *Кислая* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Воспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василя, по наружности можетъ быть и не-несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то бѣ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему. — Василю Тамарѣ.»

Во всѣхъ этихъ письмахъ, сильнѣе всякой біографической похвалы, говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою встрѣчали и провожали его всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другаго высшаго нравственнаго, интереса въ обществѣ украинскомъ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ Университетомъ и Академію тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ, черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ Василя Каразина послужилъ къ открытію, въ Харьковѣ, университета.

Обратимся теперь къ оставленному нами на время перечню уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Они снова начинаются 1776 годомъ. Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды «Книжечка, называемая *Silenus Alcibiadis*» помѣчена словами: «написанна 1776 года марта 28 (1)

(1) Въ спискѣ, переданномъ намъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, внизу

и сопровождается также неизданнымъ письмомъ къ »Высокомилостивому Государю, Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Гевашову*«. Въ письмѣ объясняется цѣль сочиненія. Кончается оно словами:

»Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнію праздность мою успокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: *Deus nobis haec otia fecit!* — Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолженъ слуга, *студентъ, Григорій Сковорода*.«

Въ письмѣ къ Бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ 1785 г. окт. 3., онъ, пересылая ему новое свое сочиненіе »*Марко пренпростый*«, изъ села Маначиновки, изъясняется по латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный Срезневскимъ:

»1785. окт. 3. Изъ Маначиновки ⁽¹⁾. Въ »Postscriptum«: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum. quem per aliis laudare soles: simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: *Марко пренпростый*.«

Тутъ-же образецъ его стиховъ латинскихъ:

»Omnia praetereunt: hed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia Christi.
Istibace et nobis Képha sit atque Petra.« etc.

Тамъ же г. Срезневскій (отъ стр. 235) приводитъ другія выписки изъ неизданныхъ, бывшихъ у него подъ рукою, писемъ Сковороды къ

сдѣлана еще приписка кописта: »Переписывано во градѣ С. Петра, 1791 г. генваря 22—23 числа. В. К.«

(1) »Молодикъ« на 1844 г. Изд. Н. Бецкимъ. Харьковъ. 1843. Стр. 235 и 242.—Хиждеу (въ Телескопѣ, ч. XXVI. 1833, стр. 32) упоминаетъ еще, что существуютъ письма Сковороды, этого времени, къ Правицкому, изъ Маначиновки, отъ 1786 г. марта 30; къ Протоіерею Ивану Гилевскому, изъ Бурлука, отъ 1788 г. мая, 11, и изъ Гусинки, отъ 1787 г. мая 1.—Онъ же упоминаетъ, кстати, еще слѣдующія, неизданныя и неизвѣстныя намъ, письма Сковороды (стр. 12): »*Помни послѣднія*«, автобіографическое письмо Сковороды къ Архіеп. Георгію Конискому, отъ 3 мая, 1789 года, изъ Бурлука; и наконецъ къ нему же, изъ Нивжина, отъ 1769 г. іюля 29.

священнику Правицкому. Помѣщаемъ ихъ по порядку годовъ, въ извлеченіяхъ:

»1786. Апрѣля 25. Изъ пустыни Маначиновскія. — Не печися о разговорѣ *»Маркѣ.«* Онъ всегда есть вашъ: и возвратится въ твою книгохранку. *»Лотову Жену«* хочется докончать. Однако привезу съ собою, да написанное выпишите! Чтѣ бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ, точію поучитися Святынѣ? въ сей единой да живу и умираю. Помалу-малу отходимъ отъ тлѣни плотскія, яже есть блаженная и всеневная смерть; иприближаемся ко Господу, иже есть Святыня, Кефа и Воскресеніе наше. Что убо есть блаженнѣе жизни нашей: на ней-же сובывается оное. Положу стропотная ихъ во гладкая. Окрылѣють, яко орлы; потекутъ и не утрулятся! Видѣ Диатрибу мою, друже! *»Діатреви«* Еллински нарицается то, чѣмъ кто главно жизнь свою забавляетъ.—О, воскресеніе! міру невѣруемое! Коль улаждаеши сердце мое! Блаженни узрѣвшіи съ наперсникомъ красоту твою. Ядущіи тя, еще взалчеть! Сіе глаголю того ради, яко, доканчавая *»Жену Лотову,«* насладитися имамъ новаго вина, съ новымъ моимъ Лотомъ! Христомъ Исусомъ, имѣя обрученіе съ нимъ по вѣрѣ Божіей.» (Молодикъ, 1843 г. стр. 235—236.)

Далѣе: »1787. Января 18. Изъ Гусинки: (1)

»Прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ *»Жену Лотову.«* Весною хочу васъ поспѣтитъ, сиче Богу угодно, и привезу. Аще же, дайте знать, тотчасъ перишлю. Въ зимнихъ трусостяхъ (2) можетъ она потеряться. Тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича. Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною въ пустынь можно подумать объ окончаніи ея; а зима безодна! Я и сіе съ нуждою пишу.» (Тамъ же стр. 236.)

Письмо: »1787-го года. Марга 6 дня.«—Любезный во Христѣ, отче и брате и друже Іаковѣ: веселися во Господѣ! Пришлите мнѣ *»Симфонію«* (3). Переписавъ, паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ *»Жену Лотову.«* Побесѣдуйте съ нею во Христѣ. Она чистая чистымъ; и сей кумиръ есть плодоносный вѣрнымъ! Божиимъ. На ней-то исполняется: отъ камня

(1) Любопытно, что 1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II черезъ Харьковъ, въ ея полное дивъ странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ, у Сошальскихъ, и ничѣмъ не откликался царственной гостьѣ.

Впрочемъ, мы получили, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ черезъ Украину, наслышавшись о Сковородѣ, увидала его и спросила: *»Отчего ты такой черный?«* — »Э! вельможная мати отвѣтила Сковорода: «развѣ же ты идѣ видѣла, чтобъ скворода была бѣлая, коли на ней некутъ да жарятъ, и она все въ оны?»—

(2) Дрожавиіи отъ холода.

(3) Нездѣланное сочиненіе Сковороды.

воздвигнути чада Аврааму. Она не доведена до конца. Но кто дож-
дется конца, въ присно-текущемъ источникѣ? А что я сказалъ, объ-
щая окончаніе, сіе касается до книжечки начатой мною, не до «Жены»
Сія книжечка учить: какъ читать подобаесть Священное Письмо? Аще
единъ глаголь Божій уразумѣтся, тогда весь храмъ Соломоновъ есть
свѣтель. Во примѣръ сему взялъ я сіе. Поминайте «Жену Лотову» и
толкую сіе слово: «возмутилъ всю Св. Писанія купѣль.» Да уразумѣютъ
спящіи на Библии! Или съ Павломъ сказать: «почивающіи на законѣ!»
Яко не многочтеніе дѣлаесть насъ мудрыми, но многожеваніе прину-
дило сказать сіе: «како сей вѣсть книги, не учився?» И да познаютъ:
яко единъ день въ тысячѣ, и вопреки: 1000 глаголовъ Божіихъ во еди-
номъ глаголѣ сокращается. Нынѣ же много жрутъ, для единныя дисен-
теріи! И вѣсть имъ человѣка, могущаго приложить имъ вкусъ—Все
дастъ вкусъ свой; и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ; аще
есмы отъ числа оныхъ. Израиль толчаше Манну въ ступахъ. Во бла-
женное число сихъ людей да внишетъ Христосъ всѣхъ насъ! желаю
вамъ сего, всенскренній братъ и нижайшій слуга, *Григорій Сковорода*.
Postea scripsi. Да наречется же сія книжечка: «Женою Лотовою.» Пре-
дисловіемъ же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо. О возлюбленный
друзе! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ
привожу первому; и тебѣ обручаю, именемъ Господа нашего Иисуса
Христа! Протчее, при перепискѣ, *повельвай наблюдать ортографію. Паче
же естъ ея листы хранить отъ нечистоты.* Цѣлуй любезнаго Наемана
Петровича, и всю нашу братію. Миръ въ днѣхъ нашихъ! Аминь» На
томъ же листѣ и надпись: «Господину моему, Іерееви, Іакову Правни-
кому, въ Бабаяхъ» (Молодикъ, 1843 г. стр. 236—7).

Новое письмо: «1787 октября 7. Изъ Гусинки.» — Вы, снится мнѣ,
переписали «*Михайлову Борьбу*» (1) и паки требуете? Обаче посылаю.
Негли обряцете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же
много. Обаче чрезъ невѣрныя руки: *ne! ne! ne!*

Письмо: «1787. Января 18. Изъ Гусинки. — Духъ правъ obnovи во
утробѣ моей. Аще кто не имѣетъ новаго сердца, тому весь міръ есть
ветха ветошъ. Аще чія душа тужить, тому весь міръ плачетъ. Аще
чье сердце мучится и страждетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще
чій духъ отчаяніемъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій
смысль мертвый, тому весь вѣкъ безъ живота! О любезный мой друже
Іакове! Изблюймо прочь ветхій квасъ мірскій. Стяжимъ новое сердце.
Облечимся въ одежду новыя нетлѣнныя надежды, во утробу брато-
любія! Тогда намъ вся тварь просвѣтится; весь міръ заиграетъ и воз-
скачетъ! Будетъ намъ всякъ день «*Великъ-день.*»

Изданная въ 1837 г., въ Москвѣ, книжка Сковороды: «*Убойи Жаво-
ронокъ*», сопровождается, въ видѣ предисловія, слѣдующимъ письмомъ (2).

(1) Изданное сочиненіе Сковороды.

(2) Лицо, о которомъ здѣсь говорится, *Θ. Π. Δισκίη*, одинъ изъ быв-

отъ 1787 г. — Григорій Варсавя Сковорода, любезному другу, *Теодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдъ путь непрерывный. Миръ сей есть великое море всѣмъ намъ плывущимъ. Онъ есть Окіанъ. О! вельми немногими щастливцами безбѣдно преплаваемыи! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ Сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе; отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменныя, вѣдъ, соблазны суть неудачи. Сирены суть то лъстивые други; киты суть то запазушныя страстей нашихъ зми! Вѣтры разумѣи напасти. Волненіе: мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товію, еслибы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаилъ! (Рафа, Еврейски значитъ медицину; Илъ или Элъ, значитъ Богъ). Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую, не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло. Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (въ 62 году), въ городѣ *Купянскѣ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня. Услышавъ же имя, выскочилъ, и достигши на улицу, молча въ лицо смотрѣлъ на мене, и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моеи памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистинну прозрѣлъ духъ его, прежде рожденія твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, коль далеке прозираетъ симпатія! Прими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарю тебѣ *«Убоію моею Жайворонка»*. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоємъ, и нѣсколько поможетъ спастися отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего. О, Боже! Колікое число сей волкъ, день и ночь, злобныхъ жреть агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши! Не спишь ловець! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать нещастія!

шихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. И. Алякринскій присланную намъ рукопись Ковалѣвскаго *«Жизніе Сковороды»*. Полагаемъ, что читателю любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаемъ о немъ письмо г. Алякринскаго: »О *Θ. Π. Дискомъ* извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному изъ ученія Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Не смотря на то, пользовался пріязнію людей весьма почтенныхъ; изъ нихъ памяты мнѣ: профессоръ Московскаго Университета, Мудровъ и Директоръ Коммерческаго училища, Калайдовичъ. — *Θ. Π. Дискій* къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненія Сковороды были самымъ любимымъ его чтеніемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828. Впоследствии я узналъ о несчастной смерти Дискаго. 3-го іюля 1833 года, работавшій въ его домѣ плотникъ разрубилъ ему топоромъ голову; вмѣстѣ съ нимъ убита еще бывшая у него въ услуженіи женщина.»

Впрочемъ, да не соблазнить тебѣ, друже, то, что тетервакъ ⁽¹⁾ названъ *Фридрихомъ*. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малоросію Велеросія нарицають тетерваками*. Чего же стыдиться? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но не злоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все презнавшій не родился), *но тотъ, кто знаетъ не хочетъ!* Возненавидь глупость; тогда хоть глупъ, обаче будешь въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обичай премудраго и возлюбить тя! Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любить глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любить обличеніе отъ друзей своихъ. О! да сохранить юность твою Христось отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го лѣта; въ полнодуніе послѣднія луны осення.»

Передъ изданныю книжкою Сковороды *«Брань Михаила»* посвященной другу его, Мих. Ив. Ковалѣнскому, и написанной, какъ видно изъ помѣтки на рукописи переданной намъ г. Алякринскимъ: *«въ 1788 году»*, помѣщено письмо Сковороды слѣдующаго содержанія:

«Возлюбленный друже Михаилъ! Прійми отъ меня и сію книжечку, въ даръ тебѣ, именемъ твоего же тезоименитства печатѣнную. Имя Михайлово пріялъ еси, прійми и сердце его.» — «Сія книжечка изводитъ на подл-небесный позоръ два сердца, ангельское и сатанинское». И въ концѣ: «О, предовольно-довольно! Се, гдѣ нашъ Іаковъ покоился и спа; тамо спа въ Харонѣ, во градѣ любви! — Видишь ли, возлюбленный Михаилъ! Се, гдѣ покоится другъ твой *старецъ Варсава Данилъ Мейгардъ. Іюня, 19 дня, 1788 года.*»

Неизданная книжка Сковороды *«Жена Лотова»*, по рукописи, переданной намъ г. Алякринскимъ, сопровождается также письмомъ къ Ковалѣнскому, безъ означенія года и мѣста жительства Сковороды. По приведеннымъ выше отрывкамъ, оно относится также къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. Вотъ его начало:

«Любезный друже Михаилъ! Въ самомъ открытіи *Намѣстничества Харьковскаго* ⁽²⁾, во время непрестанныхъ осеннихъ дождей, прогоняя скуку, написалъ я книжицу сію въ монастырѣ *Сынянскомъ*. Сей монастырикъ подарилъ Печерской Лаврѣ святой Іустинъ, Митрополитъ Бѣлоградскій, въ которомъ онъ часто уединялся, ради горнихъ вертоградовъ и чистаго неба. Братъ мой Іустинъ, звѣряка, бывший тогда игуменомъ, не могъ чувствовать вкуса къ моей *«Женѣ Лотовой»*, однако былъ типографомъ и забавлялся книгами эллинскими и римскими. Но ты, любезный друже, имѣешь вкусъ не звѣрскій.»

(1) Тетервакъ — тетеревъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ посылаемой нѣга.

(2) Открыто 29 сентября 1780 года.

Далѣ идетъ письмо снова къ Правницкому, отъ: »1788. Августа 4. Изъ Гусинки, Скрынницкой пустыни. (¹) — Вотъ вамъ, по желанію вашему «Херувимскія пѣсни» раgarphasis! Тайновиднымъ херувимамъ сообразны и животворящей Троицѣ пѣснь принося,—видимый сей весь міръ извержимъ изъ сердца, да выѣстимъ невидимый, и его царя, окружаемаго и стрегома тмами—коіеносныхъ херувимъ и серафимъ! Аллилуя, аллилуя, аллилуя!

Дорофорео есть коіеноснымъ лейбгвардеромъ. Дорофоруменость, сирѣчь: окружень коіеносною гвардією, или строемъ. Дориносима есть поль-грека, за поль-славяна.»

По порядку годовъ, помѣщаемъ теперь изъ »Украинскаго Вѣстника« 1817 г. кн. 1, стр. 126 — 131, два письма Сковороды, отъ 1790 г., какъ сказано въ »Вѣстникѣ« издателями: »писанныя къ здѣшнему, (т. е. къ Харьковскому) купцу Е. Е. *У*—ну, который и доставилъ ихъ издателямъ.« Въ примѣчаніи Квитки къ статьѣ г. Срезневскаго, въ »Утренней Звѣздѣ« 1833 г. (кн. 1 стр. 80) сказано: »Написавшій статью въ Украинскомъ Вѣстникѣ «приложилъ письма Сковороды къ *Урюпину*.« — Вотъ эти письма:

I.

»Изъ Великаго Бурлука. 1790 года Іюня 10 дня. — Возлюбленный друже! Георгій Георгіевичъ! Миръ сердцу твоему и дому! Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ страннопріимство. Седмицу у тебя почилъ *Старецъ Сковорода*, аки въ матернемъ домѣ! Да воздастъ же тебѣ той, иже на свой счетъ приѣмлетъ все даемое нищимъ! Я вашимъ виномъ, не только въ дорогѣ, но и въ дому пользовался! Прошу покорнѣйше отдать низенькій поклонъ господину Петру Федоровичу, *Аптекарю*, и показать наоборотъ вашего письма мои строки Латинскія! Артему Дороевичу и *Рощину*, съ товарищемъ, усердное мое почтеніе. Такожде и Стефану Никитичу *Курдюмову*, и всему его дому; а я пребуду, возлюбленный друже, вамъ искреннимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою: *Старецъ Григорій Варсава Сковорода*.«

На оборотѣ написано слѣдующее: »Carissime amice Petre! Nisi simplicitatem et candorem animi tui nossem; equidem nunquam te interpellasssem, nec tibi facesserem molestiam! Nunc cum Socrate dico illud vetus proverbium:

Novi Simonem et Simon me.

Mitte, sodes, saltem unicum fasciculum centaurei majoris; sive cardui benedicti. Macerabimus aut vino ant sikera! Gratissimum nobis fe-

(¹) »Молодикъ«, 1843 г. Стр. 238.

reris, si miseris. Vale! Debitor tuae amicitiae et beta tuorum amicorum—
Senior Gregor, Bar-Saba Skoworoda.»

II.

»Изъ Великаго Бурлака. 1790 года Юля 2 дня.—Любезный друже! Георгій Георгіевичъ! Да будетъ миръ тебѣ и дому твоему! Не забывай, друже, что нынѣ течетъ первая четверть небесныя луны Аугуста. Разумѣй, яже глаголю... Дажь премудрому поводъ, и премудрѣйшій будетъ. Слушай Римскую сію пословицу: боязливаго сына мати не рыдасть! Не дремай! Жизнь наша есть море! Блюдите, како опасно ходите! Господь да хранить правая теченія твоя! Тако плыви, да достигнеши въ гавань благоумашенныя старости оныя! Вѣнецъ хвалы старости!... А кое-то есть масло, умащающее щастливую старость? Кій вѣнецъ? Послушай! Помаза насъ Богъ духомъ!.. Елеемъ радости помазалъ еси его.—Веселіе вѣчное надъ главы Святыхъ! Ахъ! что лучше возможеть усладити старость, какъ Божіе сіе масло? Вотъ тебѣ масло! *Добрая слава (пословица) лучше мякаго пирога!*

»Не думай же, друже, что добрая слава есть то же, что пустозвонкій мірскій газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростію своею!... Отъ сего елея утекаетъ Давидъ! Елей же грѣшного да не намаститъ главы моея! Симъ елеемъ мажутся нечестивіи! Они украшаютъ стѣны и тѣлеса, а не сердца своя. А вотъ они суть! О лицемѣрѣ! Омыи прежде внутренность твоея склянкины. На, вотъ же тебѣ, и истинный, сердца украшающій елей, и питающій. Назнаменовался, нанечатѣлся на сердцѣ нашемъ, свѣтъ лица твоего. Дать еси веселіе въ сердцѣ моемъ. Отъ плода, пиена, вина и елея и прочее. Сирѣчь, разбогатѣли-де мы въ богатствѣ, украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различать ложную славу отъ истинныя, яко же воровскую монету; и будещи блаженный оный, Христомъ похваляемый купецъ! Онъ надъ все свое имѣніе предпочелъ дражайшій нѣкій маргаритъ, хоть тратю всего, только бы достать оный. А кій той толь странный и чудный маргаритъ?

»Вотъ онъ! Заповѣдь Господня свѣтлая... Страхъ Господень чистъ!... Вотъ онъ! на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ. Вотъ онъ! Открыи очи моя, и уразумѣю цѣну его! Вотъ онъ! Пришлецъ азъ есмь на землѣ! Вотъ онъ! Слава добрая утучняегъ кости!... Вотъ онъ! Слава велія: послѣдовати Богу! Прильпе сердце мое по тебѣ!... Во вѣки не забуду оправданій твоихъ. Ей! лучше голый да правый, нежели богатый беззаконникъ. Не убоюся отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ. Любезный друже! Ваше истиннаго добра желатель и всепокорѣннѣйшій слуга, старецъ Григорій Вар-Сава Сковорода. Пришлите мнѣ *пожизнь съ печаткою*. Великою печаткою не кстати, и не люблю, моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уво овано моего елена, тогда, когда я у васъ въ Харь-

ковѣ пировать и буянить. Достойно! Боченочки оба отсылаются: вашъ и *Дубравина*! И сей двоицѣ отдайте отъ меня низесенькій поклонъ, и господину Прокопію Семеновичю.» —

Въ «Молодикѣ» (1843 г. стр. 229 — 234.) при «Письмѣ къ издателю» Василя Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковальнскому отъ 1790 года. Каразинъ пишетъ: «Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а списанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орель, къ тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Ковальнскому. Я тогда, т. е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностію времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія) который столь благосклонно предложилъ его для васъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, Кол. Совѣтн. *Андрей Ив. Ковалевскаго*, въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщаль мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пифагора, Оригена, Лейбница. ⁽¹⁾ Вотъ это письмо:

Изъ Олшанскія Ивановки. 1790 г. сентября 26.—Возлюбленный паче всѣхъ, человекъ Михайле! Миръ тебѣ, муже Божественныхъ желаній! Мати моя — Малороссія, и тетка моя — Украина, посылаютъ тебѣ въ даръ малорослую мою дочь Авигею: «*Икону Алкивіадскую*.» Прійми ее, и яко Давидъ, наслаждайся ею. Она не лицомъ, но сердцемъ красавица, и вся слава ея внутри ея! Съ нею бесѣдуя, бесѣдуешь со мною! Сердце мое въ ней, а ея во мнѣ! Она тебѣ породитъ единого точію сына, иже есть истое начало. Родъ сей лицемѣрный и сласто-очесный, ругаясь, нарицается бѣсною и буйною. Азъ же ты, прежде юношу, нынѣ же обрѣтохъ ты мужа, по сердцу моему. Сія моя дума — твоя есть, и твоя — моя! Вотъ единость! Любовь! Дружба!.. Письмо сокра-

(1) Каразинъ добавляетъ: «Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджерн, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста исторически говорить о живыхъ.»

щу. Не удерживаю отъ бесѣды съ дѣвою Евою. Только припишу вос-
пѣтую мною въ Харьковѣ — Харькову *»Письмъкъ«* въ августѣ:

Oratio ad Deum

In urbem Zacharopolim:

Ex hoc Zachariae Prophetae grano:

r. hi sunt oculi Domini..

Zacharias oculos septem tibi praedicat esse.

Septimus est oculus: *Zachariana* polis.

Caeci sunt oculi: quando *Pupilla* latet.

O reclude tuos in eam, miseratus. Ocellos!

Sic sol verus erit: *Zachariana* Popis.

»Сіи очи откроетъ Авигеа въ Захаровскомъ *»Сельникъ«*. Tu versus facies slawonicos! Іаковъ мой къ сей моей дочерѣ простудился (1). За-
марая въ ней и мое, и кому поднесена, — имя. Откуда сіе? Не вѣмъ!
Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей, для него списанный, *спи-
сокъ*. Уживай лучше его себѣ сію твоего Лиценціата душу.

»Аще Богъ Помощникъ, во слѣдъ Авигеи, еще два мои сыночки, вы-
правляютъ крыльца, и думаютъ къ вамъ летѣть. «Древній мыръ» —
(пишу *ы at differat ab illo: мир*) и «Миханъ, боряй сатану.» Они рож-
денны для тебя, и посвящены отъ самыхъ пеленъ твоему духу. Ока-
жетъ прологъ! Будь же имъ отецъ и покровитель во вѣки! Но потер-
пимъ: снимаются кони. Оригиналь ли прислать? Увижу. До «Дщери»
случайно привязалася «Ода Сидронія-Езуиты.» Благо же! На ловца звѣрь,
по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковѣ,
отлѣтая къ матерѣ моей, пустынь. Люблю сію Дѣвочку. Ей! достойна
быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость
оныхъ. — Прилагаю тутъ-же, какъ хвостикъ, и *закосившее мое къ вамъ
тисмишко Гусинковское*. Нынѣ скитаюся у моего Андрея Ивановича Ко-
валевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше *Бур-
лука*. Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источ-
никами распахренна. На томъ мѣстѣ я родился *возль Лубенъ*. Но ни-
что мнѣ не нужно, какъ покойна келія; да наслаждаюсь моею не-
вѣстою оною; сію возлюбихъ отъ юности моя... О, сладчайшій органе!
Едина голубице моя, Библія! О, дабы собылося на мнѣ оное! Да-
видъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога
выхваляетъ! *На сіе я родился*. Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу
и умру съ нею! Аминь! Твой другъ и братъ, слуга и рабъ, Григорій
Варсавя Сковорода, Данилъ Мейнгардъ.» — Приписка:

»Число моихъ твореній. Лучшее — значать звѣздки.

1) Наркисъ узнай себѣ. *** Первородный плюдь.

(1) Остыль.

- 2) Симфонія Библейныхъ словъ сему: * »Грѣхъ сохрани пути.«
- 3) Симфонія * Аще не узрѣши самую тебѣ и пр. ***
- 4) Незамотный Марко. (У Якова Правилкаго.)
- 5) Алфавитъ мира. ***
- 6) Разговоръ Кольцо. *
- 7) Древній мѣръ.
- 8) Жена Лотова. *
- 9) Брань Михайлова со Сатаною. **
- 10) Икона Акивиадская. ***
- 11) Бесѣда 1-я нареченна Сіонъ.
- 12) Бесѣда 2-я Сіонъ.
- 13) Бесѣда 3-я нареченна: Двое. **
- 14) Діалогъ: дума и негнѣнный духъ. (У Правилкаго.)
- 15) Притча, нареченна: Убойи Жайворонокъ. (У Дискаго.)

»ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ЦИЦЕРОНА.

- 1) О старости, * поднесена Ст. Ив. Тевяшову, изъ Плутарха.
- 2) О смерти.
- 3) О Божіемъ правосудіи, *
- 4) О храненіи отъ доловъ. (Дарена Алекс. Юр. Сошальскому.)
- 5) О спокойствіи душевномъ. * (Подн. Як. Мих. Захарж.)
- 6) О возжеленіи богатства. (Завезена въ Крымъ безъ списка.)
- 7) Езуита Сидріоніа: Ода о Единеніи, et coetera.

»У друга нашего, Бабайскаго Іерея, Іак. Правилкаго, всѣ мои творенія хранятся. Но мнѣ бы они давно пропали! Я удивился, увидѣвъ у него моего Наркисса и Симфонію »аще не увѣси«. Я ее, ожелчившись, спалилъ въ Остроужскѣ, а о Наркиссѣ на вѣки было забытъ. Просите у его! А я, не точію апографи, но и аутографи раздалъ, раздарилъ, расточилъ.

Non prodest Messis: nisi servet cura fidelis.

Fons fundit largas: Testa reservat aquas, etc.

»Post scripsi. При »Авиген« примите и »Алфавита« сына. Такъ духъ велѣлъ!«

Въ Публичной бібліотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сковороды: »Книжечка Плутархова о спокойствіи души«. Здѣсь приложено письмо Сковороды: »Высокоимпостивому Государю, Якову Михайловичу Донцу-Захаржевскому«, отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говорить: »Примите милостиво отъ человека, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, аки лешту, дарикъ; уклонившій къ Плутарху, перевелъ я книжонку его.« Подпись письма: »Любитель и сынъ міра Григорій Варсава Сковорода.«

Наконецъ, прилагаемъ послѣднее, неизвѣстно когда писанное письмо Сковороды къ *Тевяшову*, напечатанное при книгѣ его, изданной въ Москвѣ, въ 1837 г., *«Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ»*. Вотъ оно:

»Милостивому государю, Владимиру Степановичу, его благородію, Тевяшову. Милостивый Государь! Идутъ къ вамъ два разговора, жаждущіи вашего лицедрвія. Удостоите ихъ своего пріятія. Они уже, прежде рожденія своего, опредѣлены доброму вашему духу. Почтеніе мое къ человеколюбному и кротчайшему батюшкѣ вашему, усердіе мое къ вамъ, а доброжелательство къ цѣлой фамиліи вашей приноситъ оныя! Христова философія обращается около сердца и врачуетъ оное. Душа есть *mobile perpetuum*, подвижность непрерывная. Крыла ея суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она или желаетъ чего, или убѣгаетъ отъ чего. Желая, любитъ; убѣгая, боится. Если не знаетъ, чего желать, а чего убѣгать, — тогда недоумѣваетъ, сумнитъ, мучитъ сюда и туда; какъ шарикъ, катается, мятется и вертится, какъ магнитная стрѣла, — поколь не устремитъ взоръ свой въ дражайшую точку холоднаго сѣвера.

»Такъ и душа наконецъ, когда нашла Того, кого нигдѣ нѣтъ, и вездѣ есть, — счастлива! Сей одинъ довлѣетъ ея насытитъ! А безъ сего, глотаетъ воздухъ, съ ядущимъ вся дни живота своего землю змѣемъ.

»Мнѣнія подобны воздуху. Онъ между стихіями не виденъ; но твердѣ земли, а сильнѣ воды: ломлетъ дерева, низвергаетъ строения, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разжаряетъ пламень.

»Такъ и мысли сердечныя. Онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры весь пожаръ, мятежъ и сокрушеніе. Отъ сего зерна зависить цѣлое жизни нашей дерево. Если зерно доброе, добрыми въ старости наипаче) наслаждаемся плодами. Какъ сѣмъ, такъ и жнемъ!

»Весьма я радъ буду, если сія книжечка въ прогнаніи только нѣсколькихъ дней скуки послужитъ. Но куда я доволенъ, если она хоть въ капль внутренняго мира поспособствуетъ! Вседражайшій, сердечный миръ подобенъ самымъ драгоцѣннымъ камушкамъ. Одна крошечка цѣну свою имѣетъ. Если станемъ его одну каплю падить, тогда можемъ со временемъ имѣть цѣлую чашу спасенія.

»Разливши мысли наши по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и не помышляемъ о душѣ, не разсуждая, что отъ нея всякое дѣло и слово произтекаетъ; а если сѣмъ зло, нельзя не послѣдовать худымъ плодамъ. Все насъ сырыхъ оставить, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища!

»Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину дѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ у тѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и родное несчастіе родилось отъ преслушанія сихъ Христовыхъ словъ:

»Ищите прежде Царствія Божія....

»Возвратися въ домъ твой! —

»Царствіе Божіе внутри васъ есть!

»Омый прежде внутренность стакана!...«

«Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бываетъ поздный трудъ въ томъ, что для человѣка есть самонужнѣшее. Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу, и для приобрѣтенія вѣры надобенъ одинъ пунктикъ времени.

«Дай Богъ вамъ чистъ слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ:

»Блаженны слышащіе слово Божіе и хранящіи.« Другой разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду, милостивый государь! вашего благородія покорнѣйшій слуга, либитель Священныя Библіи, *Григорій Сковорода*.»

Представивъ отдѣльные анекдоты и черты изъ жизни Сковороды, съ отрывками изъ его писемъ, мы такимъ образомъ дополнили двадцатилѣтній пробѣлъ біографіи его, писанной Ковалѣвскимъ. Теперь остается намъ перейти снова къ рукописи послѣдняго и разсказать по ней, съ добавленіями другихъ источниковъ, послѣдніе годы жизни Сковороды.

»Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самого«, говоритъ Ковалѣвскій: «собралъ разсыпанныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти берегъ и пристань житейскому своему обуреванію.« Хотя «свѣтъ и тамъ искажилъ все» и онъ «въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи и соболѣзнованія», — но былъ наконецъ утѣшенъ. «Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ-несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашне отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово*, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, раздѣлить съ нимъ ничтожество его». Это было, значить, въ годъ смерти Сковороды, въ 1794 году. — «Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ⁽¹⁾ ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь, не уместованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добро-

(1) Посвятилъ.

дѣтель ради собственной красоты ея.» Они толковали о сектахъ. «Я не знаю мартинистовъ», говорилъ Сковорода. «Но всякая секта пахнетъ собственностію; а гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Доходя до толковъ о «философскомъ камнѣ» и о «сдѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ», Сковорода говорилъ: «Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: *поживи въ малъ, исполни лѣта доли!*»

Иногда, говорить Ковалѣвскій, разговоръ Сковороды касался смерти. «Страхъ смерти», замѣчалъ онъ, «нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости, его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не уметованіями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо, въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни». И наконецъ говорилъ: «Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро!

Услыша въ окружности о прибытіи Сковороды къ другу своему, «многіе ждали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства Правленія Орловскаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Савичъ! прошу любить меня! — Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода: я еще васъ не знаю!» — «другой, изъ числа такихъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Сковорода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: «имя ваше не скоро ложится на мое сердце!»

Простота жизни, замѣчаетъ біографъ, высокость познаній и долготѣннй подвигъ Сковороды «въ любомудріи опытнымъ» раздиралъ ризу «высокомудрествующихъ». Они отъ зависти говорили: «Жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея!» Въ это же время онъ «увѣчеваемъ былъ уже знаменами истины».

Вотъ послѣднія строки Ковалѣвскаго.

«Старость, осеннее время, безпрерывно мокрая погода умножили разстройку въ здоровьи его, усилили кашель и расслабленіе. Онъ, проживъ у

друга своего *около трехъ недѣль*, просить отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ его упрасивалъ остаться у него зиму провести, и вѣкъ свой скончать, со временемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. — Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хочетъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзни усилятся и заставить остановиться, то нужно будетъ заплатить! — Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность! — Другъ его не беспокоилъ уже съ своимъ приношеніемъ. — 1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украину. — При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: »можетъ быть больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни, то, что мы часто говорили:—свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время....« Пріѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ, ради непрерывныхъ дождей, и улуча вѣдро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то же мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевского. Болѣзни, — старостью, погодою, усталостію отъ пути, — приближали его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: »духъ добръ, но тѣло немощно«. Далѣе Ковалѣвскій, замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершить нѣкоторые обряды, положенные церковью, но потомъ »представляя себѣ совѣсть слабыхъ«, исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, поутру на разсвѣтъ, 1794 года* (1).

(1) Примѣчаніе. Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ благочестіи своемъ, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ. — К. С. Аксаковъ передалъ намъ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтара съ дарами, провнесь: »Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите«, — Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: »Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить,

Здѣсь мы пополнимъ очеркъ его послѣднихъ минутъ слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» («Утрен. Звѣзда» 1833, г., стр. 88—91): «Въ деревнѣ у помѣщика К—го (Ковалевскаго), небольшая «кѣмнѣтка», окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. — Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметъ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. — Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣспетой линой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ застучомъ въ рукѣ, рылъ яму — узкую, длинную могилу. «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. — «Пора, другъ, кончить странствіе!» отвѣчалъ Сковорода: «и такъ всѣ волосы слетѣли со бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!» — «И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ!» — «Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила....» И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ ушелъ въ свою «кѣмнѣтку», переодѣнулся бѣлье, умылся, помолился Богу, и подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую «свиту» — легъ, сложивши на крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый.»

Ковалѣвскій замѣчаетъ: «Предъ кончиною завѣщалъ онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству? — «Знаю и готовъ!» отвѣтилъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣра его непреклоннымъ словамъ, приобщилъ его охотно.»

«Міръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Потомъ Ковалѣнскій прилагаетъ списокъ сочиненій Сковороды, по «своеручному списку» Сковороды въ письмѣ къ нему. Это письмо мы привели выше вполнѣ, подъ 1790 годомъ. Сказавши, что нѣкоторыя сочиненія Сковороды хранятся у него, Ковалѣнскій кончаетъ свое «житіе Сковороды Григорія Савича описанное другомъ его», словами: «Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога:

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надѣробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

»Ревнитель истины, духовный Богочесть,

»И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.

»Любитель простоты и отъ суетъ свободы,

»Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда—

»Достигъ на верхъ наукъ, познаній духъ природы,

»Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.»⁽¹⁾

»Сочиненіе друга его М. К.»—

Пересказавши въ отрывкахъ рукописи Ковалѣнскаго, Снегиревъ дѣлаетъ одно любопытнее замѣчаніе съ своей стороны (стр. 261), намека на которое мы въ рукописи не нашли. — Вотъ оно: «Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ, черезъ Московскія Вѣдомости, желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца».

Такова было, въ свое время, дань любви къ Сковородѣ и громадная извѣстность къ этому «Украинскому мудрецу.»

Изъ печатныхъ извѣстій о Сковородѣ, мы можемъ еще прибавить слѣдующія строки Хиждеу, изъ примѣчаній къ статьѣ его, въ «Теле-

⁽¹⁾ Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сковороды, по словамъ Снегирева (Отеч. Зап. 1823 г., ч. XIV, стр. 263) «гравированнымъ П. Мещеряковымъ». Послѣ отдѣльнаго изданія, портретъ этотъ перепечатанъ въ Утренней Звѣздѣ 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ, въ «Картинахъ Сѣтя» Вельмана, 1836 г., при статьѣ о Сковородѣ, со стихами, — и безъ стиховъ и статьи о Сковородѣ, въ дурной копіи, въ «Иллюстраціи» 1847 г.

скопѣ», 1835 г. (XXVI ч., стр. 171): «Магистръ Киевской Духовной Академіи, Сямеонъ Рудзинскій, сообщилъ мнѣ описаніе и рисунокъ *Сковородиною сумы*, оставленной у его отца; но она не принадлежитъ къ роду «бесагъ» (двойная сумма, раздѣленная на двѣ ноши, соединенныя вѣстѣшвомъ). Это просто «торба» или обыкновенная котомка.» Это также показываетъ всю силу уваженія, какимъ пользовался нѣкогда Сковорода на родинѣ....

Желая собрать окончательныя свѣдѣнія о Сковородѣ, мы снеслись съ помѣщикомъ Харьковской губерніи, *Н. С. Мякимъ*, живущимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Ивановкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое мы получили отъ *Н. С. Мякаго*, отъ 10 января 1856 года:

— «Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника, Андрея Ивановича Ковалевскаго, въ селѣ Ивановкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліяніе на хозяина, укрощая его крайне-вспыльчивый нравъ, раздражавшійся грозою надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную и благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ заветномъ флейттрaversѣ псалмы. Черезъ двадцать лѣтъ, тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ въслѣдствіе его портретъ. — Отъ тестя моего имѣніе перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику, Петру Андреевичу Ковалевскому, ⁽¹⁾ отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго. — По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія, и большею частію съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ, садикъ, съ могилою «Философа»: или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаше же это, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ,

(¹) Замѣтимъ кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ смерти его, находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы пресвященному Иннокентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы.

кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или ихъ жены сшивались съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ диковинкой. Передпослѣдній владѣлецъ сада и хижины обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сковороды, и дожилъ дни спокойно. Нынѣшній же даже обложилъ могилу дерномъ, а вблизи устроилъ свою пасіку, — мѣсто, свято чтимое у насъ искони. — Еще любопытная черта дѣйствій памяти о Сковородѣ на впечатлѣнія потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ рассказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ, откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежь двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ до смерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода. — Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, жена послѣдняго одна юродивая сказала: »У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!« — Увы! эти слова были приняты за чистую монету; но клада не нашли, какъ ни старались.»

Заключимъ описаніе жизни Григорія Савича Сковороды сожалѣніемъ, что слова В. Н. Каразина, въ письмѣ его къ издателю «Молодика» (1843 г., 229 стр.) о Сковородѣ не сбылись. Каразинъ писалъ: »Ивановка принадлежитъ теперь господину Кузину. Тамъ могила Сковороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человѣкъ для всякаго добра общественнаго. теперь село Ивановка, или »Панъ—Ивановка« (на Украинѣ села часто называются именами владѣтелей »Панъ—Васильевка« — »Панъ Лукьяновка«) — принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузьмичу Кузину.—

ГЛАВА IV.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

Извѣстность Сковороды. — Характеръ и особенности его философскаго ученія. — Орывки его »басень« и »стихотвореній«. I., Перечень печатныхъ сочиненій Сковороды. — II., Перечень неизданныхъ сочиненій Сковороды. — III., Перечень печатныхъ статей о Сковородѣ, съ 1806 — 1862 годъ.

Очеркомъ жизни Сковороды легко опредѣляется и его литературное значеніе. Многого сказать о немъ нельзя. Важенъ Сковорода былъ, еще

повторяемъ, для своего времени не столько сочиненіями своими, сколько собственно своею личностью и примѣромъ своей жизни. Увлеченіе характеромъ Сковороды у современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія печатныя статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отчего впрочемъ самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хижеу въ «Телескопѣ», подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту. Разсмотримъ эти увлеченія.

Первое, что представляется намъ въ этомъ случаѣ, это слѣдующее соображеніе: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего*. По нашимъ усиленнымъ розысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какимъ-то М. Антоновскимъ крошечная книжечка его «*Бесѣда о познаніи себя*», которая прошла, безъ сомнѣнія, совершенно—незамѣченною. Потомъ, въ 1806 году, въ мистическомъ «*Сіонскомъ Вѣстникѣ*» помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его «Предверія». Наконецъ, уже только въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ также весьма немногіе тогда узнали, а теперь объ этихъ брошюрахъ знаетъ рѣдко кто и изъ библіографовъ. Значитъ, для печатнаго міра и публики, читающей такъ-называемыя книги, Сковорода со своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой нашей *письменной литературы*? Быть можетъ, они удостоились, въ свое время, да и впослѣдствіи, судьбы такихъ сочиненій, каковы. «Ябеда» Капниста, «Горе отъ ума» Грибоедова и второй томъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя, не говоря уже о другихъ замѣчательныхъ литературныхъ явленіяхъ, которыя за-долго допечати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ?—И съ этой стороны вопросъ рѣшится, къ сожалѣнію для славы Сковороды, иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ не для барышень, не для офицеровъ и не для обучающагося юношества вообще, не для тѣхъ, словомъ, горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ въ нашемъ отечествѣ всего, что живо говорить сердцу и мысли и за что этотъ особый кругъ читающаго міра такъ усердно снѣшится услужить любимому писателю и составить, мимо печатнаго міра и типографій, его громкую славу. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ, услужливыхъ копистовъ; но это

были люди другаго свойства, люди серьёзные, тяжелые на подъемъ и не-легко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора, «Кавказскаго плѣнника» ни авторовъ «Демона» и «Горе отъ ума». Словомъ, со Сковородою этого быть не могло на столько, чтобы опять-таки собственно его проповѣднія свискали ему славу. Онъ писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, списывали его сочиненія только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессеры и ученики Духовныхъ Академій, старики-помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполне понимая, въ чемъ мы убѣдились случая нѣкоторые списки прошлаго вѣка.—списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія челоѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Впрочемъ, съ одной стороны, еще при жизни Сковороды, произведенія его дѣйствительно находили доступъ къ значительной степени истинной литературной извѣстности. Нѣсколько полу-духовныхъ, полу-сатирическихъ стихотвореній его, какъ напримѣръ извѣстное стихотвореніе: *«Всякому городу нравъ и права»*, тогда же были переложены на музыку и распѣвались бродячими слѣпцами—бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванная, даже попали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то есть, въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденному поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 года, напечатавши пѣсню Сковороды «Всякому городу» и ея варіантъ—произведеніе уже народное.—Подобной участи достигли, въ наше время, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: *«Вотъ мчится тройка удалая»*—авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лице спорное, неизвѣстное, и считаетъ множество варіантовъ своей пѣсни.

Собирая продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сковороды, мы, по, непреложному опыту, пришли къ тому убѣжденію, что списокъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сковороды могло существовать

при жизни его много-много два-три десятка. И у кого-же еще встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыѣздно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ кабинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые наконецъ любимые стихотворные канты Сковороды проникали въ читающій, печатный и письменный міръ украинскій и русскій очень не далеко. Между списками прозаическихъ сочиненій Сковороды, стихотворныхъ мы почти нигдѣ не встрѣчали, за исключеніемъ одного. Въ печати же, только появились, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три стихотворныя пѣсни его, въ «Телескопѣ» и въ «Утренней Звѣздѣ».

Значить, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды вовсе никогда на Украинѣ не пользовались. Письменную извѣстность ихъ на родинѣ Сковороды и внѣея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полустаторниковъ, не составлявшихъ живой и особенно-плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распеваемые сатирическіе канты его слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимало на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселане, козачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и римованныхъ произведеній своихъ, собственною личностію дѣйствовалъ на массы Сковорода. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотрѣть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по нашему, выводъ, что если сочиненія Сковороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ именемъ его въ устахъ его современниковъ, то современники эти большею частію говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, безкорыстно смѣшивая значеніе ихъ съ значеніемъ и личнымъ характеромъ самого Сковороды. Дѣйствительно, если прослѣдить большую часть его разсужденій, что впрочемъ теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ, изъ нихъ окажется, что, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично звалъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавши ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ, и скажетъ, быть можетъ, много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьных, никому не нужныхъ риторическихъ

уметвова ії, и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы пользамъ и нуждамъ общественнымъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ «Воронежскомъ Сборникѣ» 1861 года, говорить, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа: и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между-прочимъ, собственныя слова Сковороды.

»Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не ильмицу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь.«

Итакъ, еще разъ скажемъ, мы смотримъ на Сковороду, преимущественно какъ на «человѣка общественнаго» — дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суетвѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, убійствомъ ветхихъ стремленій ветхаго человѣка во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его, помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Мимо украинскихъ Коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій Коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣла, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому мы представили въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство силы общественного Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украинѣ. Дѣло Каразина къ открытію его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году, первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ 618 тысячъ руб. сер., для основанія его, были большею частію незамѣтно подготовлены къ этому; это были все или ученики, или короткіе знакомые и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основьяненко* и *Котляревскимъ*, первыми настоящими умственными двигате-

лями малороссійскаго общества. Сковорода составляет переходъ отъ міра бывшей козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-ой, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую Академію для странствованія за-границей. Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ, удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Съчи и хаоса новаго общества, современникъ Гаркуши и бывшей неурядицы на Украинѣ, достоинъ полной признательности.

Чтобы нашъ трудъ не имѣлъ пробѣловъ, представляемъ отчетъ о его сочиненіяхъ. Опредѣленіе философскаго ученія Сковороды мы заимствуемъ изъ *»Исторіи философіи въ Россіи«* (1840 г., ч. VI, стр. 53—71) А. Гавриіла, изучившаго печатныя и неизданныя сочиненія Сковороды. Разбирая исторію русской философской мысли отъ временъ древнихъ, онъ велѣтъ за первыми представителями ея: *Никифоромъ, Кіев. митрополитомъ, Владиміромъ Мономахомъ, Даниломъ Заточникомъ, Ниломъ Сорскимъ, Теофаномъ Прокопичемъ, Георгіемъ Конисскимъ*, разбираетъ и Сковороду. Вотъ, что говоритъ ученый историкъ Русской философіи: (стр. 59—70) *»Въ простонародной свиткѣ, съ «видлогою» и «торбою» за плечами, съ дудкою за поясомъ, съ палицею въ рукахъ, ходилъ Сковорода по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почитая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу и шелковую матерію и ряднину. Прошу господь не заказывать мнѣ своихъ вощаныхъ чучелъ я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступая въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутіяхъ, на торжищехъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, качетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливается землю. »Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть... На Руси многіе хотятъ быть Пла-*

тонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портікъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу..» Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почестъ его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Сковородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что духъ его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осізааетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ — народъ Русскій. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ, или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ прію благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія сіи можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сразненіи съ Прометеемъ Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами-Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ, и съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудотѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гёте, съ Каиномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сковороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всею чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Иронія Сковороды дотогу роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода, кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ челоѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія какъ народнаго мыслителя и наставника раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школахъ, проводилъ жизнь какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ, и, обращаясь въ кругу простаго народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель не учитель, а только служитель природы. Мысль сію относилъ Сковорода и къ знанію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педагогическое искусство Сковороды въ образованіи простаго народа, и отъ того жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны,

какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе свое тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. »Надо мною позоруются, говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ бають, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай бають; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе.« »Барская умность, пишетъ Сковорода, — будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣти? И какъ изъ утробы чернаго народа выловились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни челоуѣка; я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь? О докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести вѣшняго міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спать, пускай спать, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спать, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодретуется.« Такое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ ученіе свое, изъ его самороднаго сознанія построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ душа его извергалась кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ состязаніе свое съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славі. »Даймонъ: слышь, Варсава! Младенскій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но паучающая! Ты ли творецъ новыя славы? Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу. — Даймонъ: о странность въ словѣ, строитность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный и источникъ пустыни новыя. — Варсава: и лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути золото или бисеръ, мнящій быти вѣчто бесполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!... Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!« —

Что касается до слога и способа выражений Сковороды, то мы представляем отрывки изъ его лучшихъ, по нашему мнѣнію, произведеній, избирая, по преимуществу, мѣста по языку болѣе доступныя для современнаго читателя. Теософскихъ сочиненій его, очерченныхъ выше Гаврииломъ, мы не коснемся. Вотъ выдержки изъ его сочиненій, запечатлѣнныхъ болѣе характеромъ *сатирическимъ*. Изъ выдержекъ нашихъ легко видѣть, чѣмъ питалась украинская муза Сковороды, нашедшая вскорѣ за нимъ такое полное и цѣлое, хотя не совершенно художественное развитіе въ Котляревскомъ, авторѣ «Энеиды, вывороченной на-изнанку», а въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненко и Гулака — Артемовскаго ставшая вполне художественною и народною.

Лучшимъ, то-есть, болѣе сноснымъ для нашего времени, по нашему мнѣнію, произведеніемъ Сковороды въ этомъ родѣ можно считать его «*Басни Харьковскія*», изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ образчики этихъ басень:

(Стр. 26.) *Кротъ, нетопырь и два птенца: горличинъ и голубининъ*. Великій и преисподній звѣрь, живущій въ землѣ кротъ, писалъ самое краснорѣчивѣйшее письмо, къ живущимъ на землѣ звѣрямъ и къ воздушнымъ птицамъ. Сила была такая: «Дивлюся суевѣрію вашему! Оно въ мірѣ найшло то, чего никогда нигдѣ нѣтъ и не бывало. Какой вамъ настѣялъ сумазбродъ, будто въ мірѣ есть какое-то солнце? Оно въ собраніяхъ вашихъ прославляется, начальствуетъ въ дѣлахъ, печатлѣетъ концы, услаждаетъ жизнь, оживляетъ тварь, просвѣщаетъ тьму, истощаетъ свѣтъ, обновляетъ время. — Кое время? Одна есть только тьма въ мірѣ, такъ одно и время; а другому времени быть, чепуха, вздоръ, небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовая мать и другихъ дурачествъ. Вездѣ у васъ врутъ; свѣтъ, день, вѣкъ, лучъ, молнія, радуга, истина. А смѣшнѣе всего почитаете химеру, называемую око; будто оно зеркало міра, свѣта пріятельнице, радости вмѣстительнице, дверь истины.... Вотъ варварство! Любезніи мои други! Не будьте глупы: скиньте яремъ суевѣрія: не вѣрьте ничему, поколь не возьмете въ кулакъ. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтобъ зрѣть; но то, чтобъ щупать. Отъ 18 Апрѣля 1774 г., изъ преисподняго міра №№».

Сіе письмо понравилось многимъ звѣрямъ и птицамъ. Напримѣръ совѣ, дремлюгѣ, сычу, удоу, ястребу, пугачу, кромѣ орла и сокола. А паче всѣхъ нетопырь пловко шатался въ семъ высокородномъ догматѣ и, увидѣвъ горличина и голубинина сыновъ, старался ихъ сею высокопарною философіею осчастливить. Но горличинъ сказалъ: Родители наши суть лучшіи тебѣ для насъ учителя. Они насъ родили во тьмѣ; но для свѣта. А голубчикъ отвѣщалъ: Не могу вѣрить обман-

щичу. Ты мнѣ и прежде сказывалъ, что въ мірѣ солнца нѣтъ. Но я, родившись въ мрачныхъ дняхъ, въ днешній Воскресный день увидѣлъ рано восходъ прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и смрадъ отъ тебе и отъ удода исходящій свидѣтельствуешь, что живетъ внутри васъ не добрый духъ.—Сила: свѣтъ и тьма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе міръ весь составляютъ, и одно другому нужное. Кто тьма, будь тьмою, а сынъ свѣта да будетъ свѣтъ! Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.

(Стр. 17.) *»Оселка и Ножеъ.«* Ножеъ бесѣдовалъ съ Оселкою. «Конечно ты насъ, сестрица, не любишь, что не хочешь въ стать нашу вступать и быть пожомъ?...» Ежелибы я острить не годилась, сказала Оселка, не отеклася бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А теперъ тѣмъ-то самимъ васъ люблю, что не хочу быть вами. И конечно, ставши ножемъ, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ тѣ ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю. А въ сіе время на оселки очень скудно!—Сила: родятся и такіи, что воинской службы и женитьбы не хотятъ, дабы другихъ свободнѣе поощрять къ разумной честности, безъ которой всяка стать недействительна.

(Стр. 10.) *»Чижеъ и Щеглоъ.«* Чижеъ вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щегломъ, который его спросилъ: «какъ ты, другъ мой, освободился?... Расскажи мнѣ.»—Чуднымъ случаемъ, отвѣчалъ пѣвниикъ. Богатый Турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ, и прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичей-рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ-сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ предъ другимъ выпѣвали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ; наконецъ молвилъ: «а сколько просишь денегъ за всѣхъ?»—25 рублей, отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпуска на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлетались.—А что жъ тебе, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?»—Сладкая пища, да красная клѣтка, отвѣчалъ счастливецъ. А теперъ поколю умру, буду благодарить Бога этою пѣсенкою:

»Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!«

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

»Старуха и Горшечникъ.« (Стр. 49.) Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгались. «А что за сей хорошенькій...?»—За того возьму хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ.—«А за того гнуснаго (вотъ онъ): конечно полушка?»—За того ниже двухъ копѣекъ не возьму....»—«Что за чудо?—У насъ, бабка, сказалъ мастеръ,—не глазами выбираютъ: мы испытujemy, чисто ли звонить?—Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако не могла больше говорить; а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

(Стр. 30.) Изрядная Великороссійская пословица с'я: *не красна хата углами, красна пирогами!* Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблемами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: «подъ сіяніемъ язва!» Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: «гробы повапленные.»

»Оленица и Кабанъ.« (Стр. 47.) Въ Польскихъ и Венгерскихъ горахъ Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана: «желаю здравствовать, господинъ Кабанъ» — стала витаться — «радуюся, что васъ....» — «Что жъ ты, негодная подлость, столько неучтива, вскричалъ, надувшись, Кабанъ. Почему ты меня называешь Кабаномъ? Развѣ не знаешь, что я пожалованъ бараномъ, въ семь имѣю патентъ, и что родъ мой, происходитъ отъ самихъ благородныхъ бобровъ; а вмѣсто епанчи для характера ношу въ публикахъ содранную съ овцы кожу.» — «Прошу простить, ваше благородіе, сказала Оленица: я не знала. Мы простые, судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы такъ же какъ прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и конемъ.»

(Стр. 49.) «Есть и въ Малороссіи пословица: «далеко свинья отъ коня.»

»Змія и Буфонъ.« (Стр. 20 и 21.) Какъ змія весною скинула ла(и?)новице (старая кожа), Буфонъ ее усмотрѣвъ: «куда вы, судариня, сказалъ съ удивленіемъ, — отмолодѣли. Что сему причиною? Прошу сообщить.» — Я вамъ съ охотою сообщу мой совѣтъ, Змія говорить. — Ступайте за мною. И повела Буфона къ той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она съ великою трудностію продравшись, всю старинную ветость изъ себе стащила. — Вотъ, господинъ Буфонъ! Извольте полезать сквозь узкой сей проходъ. А какъ только пролѣзете, тотъ же часъ обновитесь, оставивъ всю негодность по другую сторону. — «Да развѣ ты мене тутъ хочешь задушить? вскричалъ Буфонъ. А хотя мнѣ сюда и удастся проташиться, то съ мене послѣднюю кожу слеретъ...» — Прошу жъ не погнѣваться, сказала Змія: кромѣ сего пути нельзя вамъ туда дойти, гдѣ быть удалось. — Сила: чѣмъ лучшее добро, тѣмъ большимъ трудомъ оконалось, какъ рвомъ. Кто труда не перейдетъ, и къ добру тотъ не прійдетъ.

Какъ образчикъ стихотвореній Сковороды, приводимъ слѣдующую извѣстнѣйшую пѣсню его: «*Всякому городу нравъ и права*», изъ сборника Сковороды: «*Садъ божественныхъ пѣсней*» присланнаго намъ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году, сошедомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она:

ПѢСНЬ Х-я. «ВСЯКОМУ ГОРОДУ.»

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.

Всякому сердцу своя есть любовь,
 Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá:
 А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
 *

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
 Оедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
 Тотъ строить домъ свой на новѣй манеръ,
 Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
 А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

* *
 *

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтá,
 Сей иностранны заводить скотá.
 Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
 Сихъ шумить домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
 А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
 *

Строить на свой тонъ юриста правá,
 Съ диспутъ студенту трещить голова.
 Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
 Всякому голову мучить свой дуръ.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá:
 Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
 *

Смерте страшнá, замашная косбá!
 Ты не падишь и царскихъ волосовъ!
 Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
 Все жерешь такъ, какъ солону пожаръ!
 Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?...
 Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Въ книгѣ Сковороды *»Дружескій разговоръ«* ⁽¹⁾ мы нашли еще одну характеристическую басню. Вотъ она:

(Стр. 10 и 11.) «Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басенку*: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ. — Двѣ дороги, го-

⁽¹⁾ *»Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ«* Г. В. Сковороды. Москва. 1837 г.

ворилъ имъ человѣколюбивый старикъ: вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ; а другая съ обинякомъ. Совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите:—и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — »Батюшка! мы не труссы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣдимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ.« — И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое жъ судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: »не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередъ по дорогѣ. Взгляните: по ту сторону бездны чернѣтъ что-то....« Одинъ говорилъ: кожаной мѣшице. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкимъ примѣчаніямъ, и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобнивъ старинныхъ вѣковъ пословицу: »боязливаго сына матери плакать нѣчево.« (Стр. 26 и 27.) »Любить мудрыхъ совѣты значить: самому себѣ зажигать факель, для безпреткновеннаго путешествія. Нѣтъ важнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ узнать самага себе и слышать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру блаженства. Отсюда разжигается благословенное оное царство, владѣть собою могти: и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютейшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ, ѣхать. Всѣхъ наукъ сѣмена внутрь человѣка сокрываются.« (Стр. 53.) Сіе есть высокопостепенное сумазбродство, если думать, что въ нашихъ временахъ взошло солнце, отворился ключъ здоровыхъ водъ; изобрѣтена соль.... Самонужность есть повсемственная и вѣчная. Богъ и премудрость безначальны. А то самая дрянь, что вчера съ грибами родилось. (Стр. 92 и 93.) Потеряли цѣну свою Пророки языческіе тогда, когда прореченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ, обративъ къ частному, мѣстному, перенесли оное на князи, на сыны человѣческіе. Сей есть всеобщій источникъ идолослуженія.

Изъ этихъ отрывковъ, надѣмся, достаточно видны собственно литературныя достоинства Сковороды. Намъ остается кончить нашъ очеркъ погоднымъ »*Перечнемъ печатныхъ сочиненій Сковороды*« и по возможности полнымъ *Перечнемъ неизданныхъ сочиненій Сковороды и печатныхъ стѣтей*« о немъ. Такимъ-образомъ, вмѣстѣ съ очеркомъ современнаго ему общества, съ жизнеописаніемъ Сковороды и этимъ библиографическимъ обзоромъ, читатель будетъ имѣть полный очеркъ жизни и трудовъ писателя, который во всякомъ случаѣ заслуживаетъ памяти и уваженія.

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

(Съ 1798 — 1854 годъ)

1798 годъ.

1) БИБЛИОТЕКА ДУХОВНАЯ, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ ДРУЖЕСКІЯ БЕСѢДЫ О ПОЗНАНІИ САМАГО СЕБЯ. Изд. М. Антоновскимъ, 3 части, С. Петербургъ, 1798 г. При Императорской Академіи Наукъ. (Цензоръ архимандритъ Антоній) Въ 12 д. л., 223 стр.

Посвященіе: «Императору Павлу Первому.» Въ Предисловіи говорится отъ издателя: «По начертанію, сдѣланному въ книжкѣ: *Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ*, которую я предъ симъ осмѣлился посвятить Вашему Импер. Величеству, издавая во-первыхъ сію Библиотеку Духовную, для усерднаго содѣйствованія вводимому отъ Вашего Величества истинному просвѣщенію подданныхъ, полагаю оную къ Монаршимъ стопамъ — всеподданнѣйшій *Михаилъ Антоновскій.*» — Имени Сковороды въ книгѣ нигдѣ не упоминается, вѣроятно, съ понятною спекулятивною цѣлю. — На заголовкѣ книги картинка, съ надписью: «*Познай себя.*»

Книга эта упомянута впервые въ «Опытѣ росс. библиографіи» Сопикова, ч. 2, 1814 г., 53 стр., подъ № 2, 216. Здѣсь, передъ словомъ: *ръдкѣ*, стоитъ прямо приписка: *Соч. Г. Сковороды.* По сличеніи ея съ рукописями Сковороды, это несомнѣнно. У Сковороды книга называется: «*Асханъ, о познаніи себя.*» Въ библиотекѣ Преосвященнаго Иннокентія въ Одессѣ она прямо означена словами: «Напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году.» — По Смирдинскому каталогу она значится также съ именемъ Сковороды, подъ № 1239, съ припискою: 3 р. асс.

Мы видѣли эту книгу въ Имп. Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, гдѣ она находится въ VI залѣ, въ VIII шкафѣ, подъ № 62.

1806 годъ.

2. НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ КО ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОНРАВІЮ. Приписка: «*Написана въ 1766 году, для молодого шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году. Твореніе Г. Сковороды.*» Въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» 1806 года, изд. Θεопемитомъ Мисайловымъ, ч. III, стр. 156 — 179. — О помѣщеніи статьи здѣсь нигдѣ не упомянуто. — Въ началѣ статьи предисловіе издателей «Вѣстника о жизни Сковороды.»

Краткое содержаніе статьи, по рукописи, приведено г. Срезневскимъ въ его «Запискахъ о Сковородѣ» въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 г., стр. 73 — 74. Отрывокъ изъ нея, начало именно, въ 3 страницы, помѣщенъ имъ же, впоследствии, въ «Москвитинѣ» 1842 г., стр. 117—

119, о чемъ говорится въ «Указателѣ Москвитянина» И. И. Бартевева, во «Временникѣ И. М. Общ. Ист. и Древ. Росс.» 1855 г., кн. XXI, стр. 62.

1851 годъ.

3. Три пѣсни Сковороды, стихотворенія, въ «Телескопѣ» 1831 г., ч. VI, стр. 578—582. (Сообщены А. Хиждеу). Изъ заглавія: I. «Ой ты, птичко желтогоба», II. «Ой поля, поля зелены» и III. «Всякому городу нравъ и права».

Это взято изъ неизданнаго тогда рукописнаго сборника Сковороды: «Садъ божественныхъ пѣсней», гдѣ всѣ три пѣсни приведены подъ цифрами: XVIII, XIII и X. Такъ замѣчаетъ издатель. Между тѣмъ въ книгѣ «Сочиненія Сковороды», изданной 1860 г. подъ №№ X, XIII и XVIII помѣщены въ «Садѣ божественныхъ пѣсень» пѣсни: «Нельзя бездны океана» — «Колика слава нынѣ» и «Ахъ ты тоска проклята».

Послѣдняя пѣснь «Всякому городу нравъ и права» самая популярная изъ пѣсень Сковороды на Украинѣ, въ устахъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Впослѣдствіи она подверглась измѣненіямъ у самого народа и любопытный варіантъ ея, съ подлинникомъ, приведенъ еще въ статьѣ г. Срезневскаго, въ «Утренней Звѣздѣ» 1835 г., стр. 82—88.

1856 годъ.

4. Отрывки изъ разныхъ сочиненій Сковороды приведены въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г., ч. VI, стр. 205—736, въ повѣсти г. Срезневскаго «Майоръ, майоръ!» — Здѣсь они приведены на страницахъ: 211-й «Не забросать горстью персти бездны океана» — 443-й отрывокъ изъ «Думы о раѣ земномъ» — 447 кантъ «О, Боже живый гзаголъ». — Самая повѣсть можетъ быть принята за рядъ искусныхъ образцовъ устной рѣчи Сковороды.

1857 годъ.

5. Убогій жайворонокъ. Притча Г. В. Сковороды. (Изданная И. Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ ⁽¹⁾. Москва, въ типографіи Рѣшетникова, 1837 г. (Цензоръ И. Снегиревъ, 21 февр. 1836 г.) 32 стр., in 8.

Передъ книгой «Предисловіе» въ двѣ страницы, о жизни Сковороды, съ подписью: М. Макаровъ и И. Рѣшетниковъ, члены Попечительнаго Комитета. — Тутъ же въ началѣ помѣщено, приведенное нами въ статьѣ, письмо Сковороды къ Дискому, отъ 1787 г. Въ концѣ книги приложена: «Пѣснь Рождеству Христову» смѣсь прозы и стиховъ, и «Примѣчанія».

(1) Равно и слѣдующія остальные сочиненія въ этомъ спискѣ, изданы тѣмъ же Комитетомъ.

Книга эта упомянута въ »Реестрѣ книгъ« Ольхина, IV отд., подъ № 998.

6) Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ. Г. В. Сквороды. Москва, 1837 г. Въ тип. Рѣшетникова. 94 стр., in 8°. (Цензоръ архимандритъ Филаретъ).

Въ началѣ посвященіе и письмо къ Тевяшеву, приведенныя нами въ статьѣ о жизни Сквороды.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, подъ № 237, VIII отд.

7) Бесѣда двое. Г. В. Сквороды. Москва, въ тип. Рѣшетникова. 1837 г. (Цензоръ Виѣанской семинаріи ректоръ Агапитъ, 15 сент. 1836 г.) 50 стр., in 8°.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, VIII отд., № 194.—Въ »Третьемъ продолженіи« Крашенинникова, отд. 1, упомянута подъ № 12,044.

8) Басни Харьковскія. Г. В. Сквороды. Москва, въ т. Рѣшетникова. 1837 г. (цензоръ архим. Агапитъ). 59 стр., in 8°.—Посвященіе *Панкову*. Письмо вначалѣ, приведенное нами въ своемъ мѣстѣ, выше отъ 1774 г. изъ села Бабаевъ.—Всѣхъ басенъ 30. (Смѣсь прозы и стиховъ; въ концѣ нѣкоторыхъ стоитъ *сила*, или выводъ).

Содержаніе басенъ: 1) Собаки. — 2) Ворона и чижъ. — 3) Орелъ. — 4) Голова. — 5) Чижъ и щеголь. — 6) Колеса часовыя. — 7) Орелъ и сорока. — 8) Голова и тулупъ. — 9) Мурашка и свинья. — 10) Двѣ курицы. — 11) Вѣтеръ и философъ. — 12) Осѣлка и ножъ. — 13) Орелъ и черепаха. — 14) Сова и дроздъ. — 15) Змія и буффонъ. — 16) Жабы. — 17) Два цѣнные камушка. — 18) Собака и кобыла. — 19) Крогъ, нетопырь и два птенца. (При этомъ въ письмѣ приписка »крота изъ преисподней«, отъ 1774 г.) — 20) Верблюды и олень. — 21) Кукушка и дроздъ. — 22) Навозъ и алмазъ. — 23) Собака и волкъ. — 24) Крогъ и линксъ. — 25) Левъ и обезьяна. — 26) Щука и ракъ. — 27) Пчела и шершень. — 28) Оленица и кабанъ. — 29) Старуха и горшечникъ. — 30) Соловей, жаворонокъ и дроздъ.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, подъ № 192, VIII отд.—У Крашенинникова въ »Третьемъ прибавленіи къ росписи книгамъ Смирдина«, 1852 г., на стр. 173.

1839 годъ.

9) Брань Архистратига Михаила съ сатаною, о семъ легко быть благимъ. Г. В. Сквороды. — Москва, въ тип. Рѣшетникова, 1839 г. 45 стр. текста и VII стр. примѣчаній. — (Цензоръ, ректоръ, архимандритъ Филаретъ, 8 нояб. 1836 г.)

1854 годъ.

10) Пѣсня: »Ахъ счастье, счастье, бѣдное, злое!«, въ »Инвалидѣ« 1854 г., № 94, 28 апрѣля, въ статьѣ В. Аскоченскаго: »Русскій композиторъ Веделевъ.«

1860 годъ:

11) Сочиненія въ стихахъ Григорія Саввича Сковороды, съ его портретомъ и почеркомъ его руки. С. Петербургъ. (Неизвѣстнаго издателя). 312 страницъ.

Содержаніе: 1) XXXIII стихотворенія — Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ св. Писанія; II. Проза: 1) Разговоръ о томъ — знай себе; 2) Убогій жайворонокъ; 3) Борьба и прія о томъ — претрудно быть злымъ, легко быть благимъ; 4) Бесѣда двое; 5) Прія бѣса со Варсавою; 6) Начальная дверь къ христіянскому добродѣлю, и 7) Самопознаніе.

Изъ этой прозы новаго, впервые здѣсь въ книгѣ изданнаго, только «Прія бѣса со Варсавою», изъ которой впрочемъ напечатаны выдержки въ «Исторіи философіи» архим. Гавріила, томъ VI, 69 стр. Казань. 1840 г.; и «Разговоръ о томъ — знай себе». — Эта безграмотная и неопрятная книга вообще издана очень странно; въ списокъ подписчиковъ на нее внесены имена людей, никогда на нее не подписывавшихся. Къ ней не приложено никакихъ поясненій, какъ составила книга и откуда взяты нѣкоторыя ея указанія и самыя статьи. Она такимъ образомъ не можетъ служить даже слегка сноснымъ источникомъ къ объясненію сочиненій Сковороды и можетъ назваться спекулятивнымъ и постыднымъ явленіемъ русской литературы. — Приложенныя къ концу книги «письма Сковороды» составляютъ перепечатку изъ «Молодика». Въ нее между прочимъ пошло народное стихотвореніе о переведеніи Запорожцевъ на Тамань.

II.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

М. Ковалѣвскій, въ рукописномъ сочиненіи своемъ «Житіе Сковороды, описанное другомъ его», въ концѣ приводитъ списокъ неизданныхъ еще въ его время, 1794 года, и упомянутыхъ самимъ авторомъ въ письмѣ къ нему, сочиненій Сковороды. Опуская изъ этого списка напечатанныя вещи, означенныя нами выше, приводимъ не напечатанныя:

- 1) Наркизъ, узнай себя.
- 2) Симфонія, рекъ: сохранию пути моя.
- 3) Симфонія, аще не увѣси.
- 4) Неграмотный Марко.
- 5) Алфавитъ міра, о природѣ.
- 6) Разговоръ — Кольцо.
- 7) Древній міръ.
- 8) Жена Лотова.

- 9) Икона Алкивиадская ⁽¹⁾.
- 10) Бесѣда I. Сіонъ ⁽²⁾.
- 11) Бесѣда II. Сіонъ.
- 12) Діалогъ — душа и нетлѣнный духъ.
- 13) Благодарный Еродій.

ПЕРЕВОДЫ:

- 14) О старости Цицероновой
- 15) О Божіемъ правосудіи.
- 16) О смерти.
- 17) О храненіи отъ долговъ.
- 18) О свойствѣ душевномъ.
- 19) О уединеніи, Сидронія.

Ковалѣвскій прибавляетъ: «Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ писанныя въ рукою своему другу своему, и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу. — Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на руссійскомъ и латинскомъ языкѣ находятся письма его, весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ, многія стихословія и другія сочиненія, *которыя собраніе частію хранится у друга его.*» — Если со времени 1794 года уцѣлѣли въ семействѣ М. И. Ковалѣвскаго всѣ эти рукописи Сковороды, любопытно было бы издать ихъ въ свѣтъ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Въ «Молодикѣ» 1843 г., г. Срезневскій называетъ слѣдующія неизданныя и не упомянутыя Ковалѣвскимъ сочиненія Сковороды (стр. 239—240):

- 20) О древнемъ змѣи, или Библии.

«Списокъ», по его словамъ, «сдѣланный священникомъ Ѳ. Залѣвскимъ, въ 1763 г. декабря 10, хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета».

- 21) Садъ божественныхъ пѣсней.

Кромѣ опубликованныхъ въ изданіи «сочиненій Сковороды» 1860 года, по словамъ г. Срезневскаго — «между 26 и 27 пѣснями, помѣщена мелодія, Сагмен, по-русски и по латини, 1760 года. Въ спискѣ же профессора Е. М. Филомаѣвскаго еще прибавлены 29 и 30. Надъ 29 — 1788 годъ, сентября 17 ч., село Великій Бурлукъ.

- 22) Двѣ проповѣди: «Убуждешся, видѣша славу его» и «Да любитъ мя».

- 23) Толкованія изъ Плутарха, о тишинѣ сердца.

А. Хиждеу, въ «Телескопѣ» 1835 г., XXVI ч., стр. 12—137, упоминаетъ неизданныя сочиненія Сковороды:

- 24) Книжечка о любви до своихъ, нарѣченная Ольга Православная.

⁽¹⁾ Хранилась Иннокентія.

⁽²⁾ Хранится у Ѳ. Н. Глики.

«По словамъ магистра Кіевской Духовной Академіи, Симеона Рудинскаго», говоритъ Хиждеу, «это рецензія на другое сочиненіе самого Сквороды — Жена Лотова.»

23) БѢСѢДА АНГЕЛЬСКАЯ О КЛЕВЕТѢ ДІАВОЛЬСКОЙ.

26) О ВНУТРЕННЕМЪ ЧЕЛОВѢКѢ. Разговоръ І. Симфонія о народѣ. Гласъ II.

27) Помни послѣднія, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи.

Хиждеу прибавляетъ: «Такъ называется сочиненіе, которое есть родъ *автобіографической записки*. Оно писано по желанію Архіепископа Георгія Конисскаго, въ видѣ письма къ нему изъ Бурлука, отъ 1789 г., 5 мая.»—Г. Срезневскій сомнѣвается въ вѣрности всѣхъ вообще показаній Хиждеу. Любопытно бы видѣть рѣшеніе этого вопроса въ пользу или не въ пользу г. Хиждеу. Мы не имѣемъ для этого пока данныхъ.

Кромѣ этихъ печатныхъ указаній на рукописныя сочиненія Сквороды, мы имѣли подъ рукою присланныя намъ отъ разныхъ лицъ списки сочиненій его, за которые здѣсь приносимъ искреннѣйшую признательность.

Отъ покойнаго преосвященнаго Иннокентія, изъ Одессы, черезъ посредство профессора Зеленецкаго, намъ были присланы слѣдующія неизданныя рукописи сочиненій Сквороды, кромѣ приведенныхъ выше въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ, которыми мы и пользовались для настоящаго труда:

28) Мазенькій свиточокъ, изъ Плутарха Херонскаго, о добротѣ и злѣбѣ.

29) Трагедо-комедія (Въ силлабическихъ стихахъ).

30) О богослуженіи на небѣ.

31) Небо состоитъ изъ двухъ царствъ.

32) О первомъ состояніи человека послѣ смерти

Отъ г. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ, кромѣ упомянутыхъ выше, въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ сочиненій Сквороды, намъ присланъ былъ списокъ неизданнаго разсужденія Сквороды:

33) Сфинксъ, о древнемъ мудрецѣ Идипѣ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ мы нашли *собственноручную неизданную рукопись Сквороды*:

34) Книжечка Плутархова о спокойствіи души. 40 страницъ, въ четвертку листа.

Въ «отчетѣ Н. Публичной Библіотеки» за 1852 г., стр. 53, подъ рубрикою: Матеріалы для новой русской исторіи и для исторіи нашей словесности, — говорится объ этой рукописи: «Поступило изъ собранія г. Погодина подлинное разсужденіе философа Сквороды, о *Спокойствіи души*».

35) Черезъ посредство А. М. Лазаревскаго, мы получили отъ Н. М. Бѣлозерскаго, изъ Черниговской губерніи, слѣдующую замѣтку о неизданныхъ еще пѣсняхъ Сквороды:

»Найденъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, при *Запискахъ моего дѣда*, хорунжаго нѣжинской полковой артиллеріи, Василія Осиповича Бѣлозерскаго, веденныхъ съ 1772 по 1812 годъ, въ г. Борзнѣ, Черниговской губерніи, переписанныя рукою моего дѣда, почеркомъ конца XVIII столѣтія, списокъ *пѣсни Сковороды*: Ахъ, ушли мои лѣта, якъ вѣтры съ круга свѣта. — Ажъ тутъ и смерть за мною, страшная собою. — Лютѣ, звѣрски рыкаетъ, въ путь скоро понуждаетъ. А що жъ то за дорога? То жъ на той свѣтъ до Бога. Съ чимъ же я тамъ явлюся и чимъ Богу поклонюся? Но дарма порицаю, на смерть вину складаю. Моя жъ то воля злая, жила лѣта драгая. Сотнѣ лѣтъ заклала, о смерти же не гадала. Якъ же по той дорожѣ, пройти душѣ моей небозѣ? О Тронце преблагая, прости дѣла моя злая! и Стану добро творити, за дѣла моя злая слезити.»

36) Наконецъ, А. Л. Метлинскій писалъ намъ въ 1856 г., изъ Харькова, слѣдующее: »Я пересмотрѣлъ рукописи Библіотеки Харьковскаго Университета. Ни по реестру, ни на дѣлѣ, болѣе двухъ не оказалось; обѣ съ надписью: *Сочиненія Сковороды, собранныя протоіереемъ Ѳеодоромъ Зальскимъ, 1765 года, декабря 10*. Первая заключаетъ въ себѣ: »*Письмо — баснь, Пустынникъ и его другъ*»; вторая: »*Борьба и прія о томъ — трудно быть злымъ, легко быть благимъ*«. Это все статьи мистическаго содержанія, писанныя прозою и стихами. Какъ мы знаемъ, »Борьба« напечатана въ 1860 году.

III.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СТАТЕЙ О СКОВОРОДѢ.

Печатныя статьи о Сковородѣ разбросаны въ разныхъ журналахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ полный перечень, въ хронологическомъ порядкѣ:

1) »Сіонскій Вѣстникъ«, на 1806 г., изд. Ѳеопемптомъ Мисанловымъ, ч. III, августъ, С.П.бургъ, стр. 156—179, статья: »*Начальная дверь ко христіанскому добродѣлю*«, твореніе Г. Сковороды, съ нѣсколькими строками о жизни послѣдняго. Этотъ рѣдкій журналъ издавался въ 1806 году. На III части тогда же онъ прекратился, и сталъ снова выходить въ 1817 и 1818 годахъ. Въ послѣднемъ, на VIII части, прекратился, и болѣе уже не выходилъ.

2) »Украинскій Вѣстникъ« 1817 года, изд. Е. Филомаэнтскимъ и Р. Гонорскимъ, Харьковъ, апрѣль, ч. VI, въ смѣси, стр. 106—131, статья: »*Сковорода Украинскій философъ*«, за подписью: Густавъ Гессе-де-Кальве и Ив. Верпетъ, съ присоединеніемъ двухъ писемъ Сковороды къ купцу Е. Е. Урюпину.

3) »Отечественныя Записки« 1823 года, изд. Павломъ Свинымъ, С. Петербургъ, ч. XVI, № 42 и 43, стр. 96—106 и 249—263,

статья: «Украинскій философъ, Григорій Савиць Сковорода» за подписью И. См., т. е. Ив. М. Снегиревъ. Въ выноскѣ сказано, что статья эта писана на основаніи вышеприведенной статьи «Украинскаго Вѣстника» и рукописной біографіи Сковороды, составленной его другомъ М. П. К—скимъ, т. е. М. П. Ковалѣнскимъ, о чемъ мы скажемъ ниже.

4) «Bulletin du Nord, journal scientifique et littéraire, publié Moscou par G. le Comte de Laveau» въ 1828 году, въ смѣси, тетрадь 10 и 11, стр. 149—156 и 270—275, томъ 3, сентябрь, статья Снегирева, въ переводѣ: *Gregoire Savitsch Skovoroda, philosophe de l'Ukraine*, съ примѣчаніемъ: «Trad. par Mr. M.** du russe de Mr. Sneguirow». (Вѣроятно Hippolyte Masclet, участвовавшій здѣсь).

5) «Телескопъ», журналъ современнаго просвѣщенія, изд. Н. Надеждинымъ, Москва, 1831 года, ч. VI, стр. 378—382, статья: «Три пѣсни Сковороды», съ примѣчаніемъ: сообщено отъ А. Хиждеу. Самыя пѣсни слѣдующія: «Ой ты птичко желтобока» — «Ой, поля, поля зелены» и «Всякому городу свой нравъ и права».

6) «Ученыя записки И. Москов. Университета» 1833 г., ч. I, смѣсь, въ статьѣ Снегирева: «О старинномъ рускомъ переводѣ Тита Ливія», на стр. 695, нѣсколько строкъ о Сковородѣ, приводимыхъ нами цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ.

7) «Утренняя Звѣзда», собраніе статей въ стихахъ и прозѣ, Харьковъ, 1834 года, книжка I, стр. 67—92, статья: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ», за подписью: И. С.р.з.к., т. е. И. П. Срезневскій. Здѣсь приложенъ литографированный портретъ Сковороды и два варіянта пѣсни его: «Всякому городу нравъ и права». Къ статьѣ присоединено примѣчаніе Квитки. Подъ статьею помѣтка: «Варваровка, на Днѣпрѣ, 1833 г., фев. 11.»

8) «Телескопъ» 1835 г., ч. XXVI, № 5 и 6, стр. 3—42 и 151—178, статья: «Григорій Варсавя Сковорода, историко-критическій очеркъ», отрывокъ первый: «Общее основное понятіе о Сковородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія» — съ выноскою, что эта статья извлечена изъ рукописи: *Gregor Skoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch—kritik Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görges, Professor an der Universität zu München* — безъ подписи. Статью эту г. Срезневскій, въ «Молодикѣ» 1843 г., порицая за нѣкоторыя неточности, приписываетъ А. Хиждеу. Къ статьѣ приложены примѣчанія: «Сковородинскій Идіотиконъ».

9) «Московскій Наблюдатель», журналъ энциклопедическій, 1836 года, Москва, ч. VI, стр. 205—238, 435—468 и 721—736, повѣсть: «Майоръ, майоръ!», за подписью: Срезневскій. Это разсказъ объ одномъ событіи изъ жизни Сковороды, съ отрывками его изрѣченій и кантовъ.

10) «Картины Свѣта», энциклопедическій живописный альманахъ, на 1836 годъ, съ полиграфическими рисунками, Москва, изданіе А. Вельмана, листъ 24, статья безъ подписи: «Григорій Савиць Сковорода», стр.

373—380. Въ заголовкѣ статьи приложенъ портретъ Сковороды, копія помѣщенного при «Утренней Звѣздѣ». Самая статья есть перепечатка, въ сокращеніи, статьи Снегирева.

11) «Исторія русской философіи», симбирской семинаріи ректора, Архимандрита Гавріила, Казань, 1840 года, ч. VI, стр. 53—70, § 154, статья: «Григорій Савичъ Сковорода». Это сокращеніе статьи Снегирева и статьи Хиждеу о характерѣ ученія Сковороды, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ изъ рукописи Ковалѣнскаго, которою авторъ, очевидно, пользовался. Отсюда перепечатана въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, XXX ч., отд. VI, стр. 11—14, въ обзорѣннѣй журналовъ, такъ какъ книга А. Гавріила появилась сперва въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета».

12) «Москвитянинъ» 1842 года, ч. I, стр. 117—119, въ матеріалахъ, статья: «Преддверіе Григорія Савича Сковороды», съ подписью: доставлено г. Срезневскимъ.

13) «Молодикъ», украинскій литературный сборникъ, изд. И. Бецкимъ, 1843 г., Харьковъ, стр. 229—244, двѣ статьи: «Письмо къ издателю» Василія Каразина и «Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды» И. И. Срезневскаго. Къ книгѣ «Молодика» приложенъ, подъ № 18, на 7 листѣ приложеній, литографическій снимокъ автографа Сковороды, именно строки: «Воля! о, небесный адъ! всѣ тебя ядъ, всѣмъ ты ядъ!» «Старчикъ Григ. Сковорода.»

14) «Иллюстрація 1847 года. Здѣсь въ IV т., на стр. 24, съ подписью: Григорій Савичъ Сковорода, помѣщенъ довольно дурной снимокъ портрета Сковороды, помѣщенного въ «Утренней Звѣздѣ» и въ «Картинахъ Свѣта», несхожіи съ подлинникомъ, въ другой позѣ и съ добавленіемъ книги въ рукахъ Сковороды. Любопытно, что въ оглавленіи содержанія Иллюстраціи, за 1847 г., IV тома, подъ «Біографическими очерками нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей» стоитъ строка: Григорія Сав. Сковороды—стр. 30-я, но этой біографіи ни здѣсь, ни при портретѣ не помѣщено.

15) «Москвитянинъ» 1849 г., ч. XXIV, стр. 68, III отд., нѣсколько строкъ, подъ именемъ: «Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ Епископомъ Тихономъ III, въ Остроожскѣ.» Подпись: «Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа.»

16) «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» 1855 г., въ неофиц. части (№ 42, 43 и 44, за октябрь), статья: «Григорій Савичъ Сковорода» съ подписью: В. Аскоченскій и съ примѣчаніемъ: «Изъ втораго тома—Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академією.» По другому примѣчанію и по выпискамъ автора видно, что любопытная статья его, по примѣру г. Снегирева, составлена по рукописи Ковалѣнскаго; но къ сожалѣнію, г. Аскоченскій вовсе упустилъ изъ виду другіе, печатные источники о Сковородѣ. Въ выноскѣ онъ прибавляетъ: «Подлинная рукопись, подаренная мною М. П. Поподину въ 1850 году, хранится нынѣ въ Им-

ператорской Публичной Библіотекѣ.» Рукописи этой г. Погодинъ не передавалъ въ Публичную Библіотеку и мы ее тамъ не нашли.

17) Коротенькое «Свѣдѣніе о Сковородѣ» на двухъ страничкахъ, безъ ссылокъ и указаній источниковъ, при книгѣ: «Сочиненія Сковороды», 1860 года.

18) Полемическій отвѣтъ *Н. И. Костомарова*, (по поводу статьи о Сковородѣ *Вс. Крестовскаго* въ «Русскомъ Словѣ») — въ Основѣ, 1861 года.

19) *Отвѣтъ на рецензію Вс. Крестовскаго* — въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., декабря 12.

20) «Замѣтки о Сковородѣ» въ «Воронежскомъ литературномъ сборникѣ» выпускъ I, *Н. Гарденина* и *Н. Малыхина*, 1861 г. «Григорій Савичъ Сковорода», стр. 249—264, за подписью: *А. К.* Источникомъ имъ служили, повидимому, только печатныя свѣдѣнія о Сковородѣ.

ОРЕСТЬ ХАЛЯВСКІЙ.

